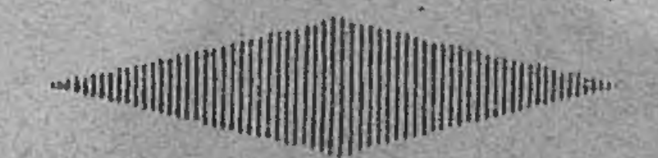
В. Быстрянский

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

В. БЫСТРЯНСКИЙ

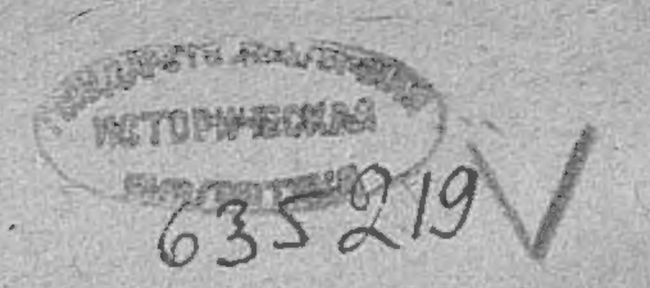
ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Р. В. Ц. Петербург.

Гиз. № 713. Отпечатано 25.000 экз.

Первая Государственная Типография. Гатчинская, 26.

Долгое время капиталистический мир, непримиримый враг победившей в России пролетарской революции, возлагал надежды на то, что при помощи блокады, длительного разрыва сношений между рабочей республикой и окружающим ее миром, и путем интервенции, т.-е. вооруженной борьбы белых армий, питаемых союзническим золотом, инструкторами и снаряжением, ему удастся покончить с первым в мире социалистическим государством. Однако, после трехлетней борьбы, как банкиры Лондона и Парижа, так и буржуазные беженцы из Советской России начинают убеждаться в неправильности того пути, по которому они шли в течение стольких лет. Европейские капиталисты приходят к сознанию, что они даром истратили миллиарды на борьбу против Советской России, что они не только не получат по ним процентов, но и не вернут себе капитала, что безнадежна борьба против великого народа, ставшего кузнецом своей судьбы.

По всему ясно, что полоса открытой интервенции подходит к концу. Хотя наиболее непримиримые, но не самые умные представители белого стана,

подобно бурцевскому «Общему Делу» и берлинскому «Рулю», продолжают еще взывать к интервенции, указывая, что это есть единственный способ покончить с очагом мировой революции, что без вмешательства извне большевизм не только не может быть побежден в России, но покорит весь мир, однако, явный позорный провал всех бывших до сих пор попыток интервенции, крах всех выступлений белых генералов заставляет Антанту отказаться от мысли о продолжении старой политики. Недаром на последнем совещании учредиловцев не только эс-эры Авксентьев и Минор, но и трудовик Чайковский, и кадеты с лидером своей партии Милюковым во главе, открещивались от интервенции и на словах, по крайней мере, отказались от продолжения вооруженной борьбы против нас силой белых армий.

Правда, не приходится придавать особого значения уверениям белых. Последний поворот в политике белой гвардии в значительной мере объясняется тем, что они не рассчитывают больше найти поддержку своим планам в кабинетах Лондона, Парижа и Вашингтона. Нет никакого сомнения, что г.г. Минор, Чайковский и Милюков при благоприятном для них изменении международной обстановки вновь припадут к стопам очередного белого генерала. Но все же достоин внимания факт, — что несостоятельность интервентистской политики бьет в глаза самым горячим ее сторонникам. Бессмысленность попыток сокрушить вооруженной рукой Советскую Россию настолько неопровержимо доказана фактами жизни, что от этой политики отворачиваются самые злобные враги советской власти.

И несомненно, что этот перелом в политике белых, возлагающих отныне свои главные надежды на взрыв советской власти изнутри, переносящих центр тяжести своих усилий на организацию восстаний в самой России, вызывается опытом истекших лет гражданской войны.

Со всех сторон — с севера, востока, юга, запада, — шли на Россию белые армии Корнилова, Алексеева, Юденича, Миллера, Колчака, Деникина; лучшие царские генералы и цвет русского офицерства ополчились на первую в мире Республику Советов. Белые генералы не терпели недостатка в помощи союзников — последние поддерживали их и деньгами, и инструкторами, и снаряжением, и амуницией. Весь капиталистический мир был заодно с белыми генералами, — и тем не менее их начинания оказались авантюрой, они потерпели позорное фиаско.

Наиболее умные из белогвардейцев начинают понимать, что причины крушения этого движения лежали в самой его природе, что они объясняются не случайными обстоятельствами, не побочными моментами, которые могли бы быть устранены, а вытекают из самой природы контр-революции. И в белом стане начинают учитывать опыт гражданской войны, подводить итоги 3-летней борьбе, доискиваться ошибок в своей тактике, искать в прошлом поучения для будущего.

Весьма поучительной является книга Раковского «Гражданская война на юге России. В стане белых (От Орла до Новороссийска)». Константинополь, 1920. Недаром она привлекла к себе такое внимание всей белогвардейской прессы. Действительно, Раковский — отчасти сознательно, отчасти

против воли неопровержимо доказывает, что генеральская интервенция потерпела крах не в силу случайности, что возглавляемое царскими генералами движение не могло одержать победы, ибо разбилось о раздиравшие его безысходные внутренние противоречия.

Истекшие годы гражданской войны преподали всем классам предметные уроки. Наши враги, помещики и капиталисты, пытаются в них разобраться. Книга Раковского говорит гораздо больше того, что хочет сказать ее автор. Она показывает настоящую природу белого движения, она раскрывает истинную сущность белой демократии, рыцарями которой явились Колчак, Деникин и Юденич.

Раковский говорит о тех операциях, ареной которых был юг России. Здесь реакционная природа белого движения выступает более рельефно, чем где-нибудь, ибо на юге временная победа белых была связана с реставрацией помещичьего землевладения, что не имело места ни в Сибири, ни на севере России, где нет крупного землевладения. Здесь всего теснее, в силу географических условий, была и связь между белыми и иноземными империалистами. На юге, поэтому, легче всего было вскрыть классовые корни и движущие причины генеральской реакции.

На юге, наконец, борьба велась с наибольшим упорством, — ибо генералы опирались на имущие силы казачества, столь сильного на Дону, Кубани и Терской области...

Книга Раковского действительно крайне поучительна. Поэтому мы не будем скупиться на выписки из нее, потому что белый журналист,

наблюдатель реакционной авантюры, невольно рассказывает о своих такую «правду, что хуже всякой лжи», ибо он проливает ослепительный свет на истинную природу буржуазной контр-революции, под каким бы флагом она ни выступала. В этом крупное историческое значение этой книги. Вот почему с ней должны ознакомиться русские рабочие.

«Мне, как журналисту по профессии, военному корреспонденту по специальности, постоянно работавшему и в том газетном отделе, который посвящен ответственной политической информации, — пишет Г. Н. Раковский, — пришлось стоять близко к военно-политическим центрам в один из наиболее интересных периодов борьбы с большевиками на юге России. Во время пребывания то на фронте, то в тылу мне пришлось быть и свидетелем наиболее ярких эпизодов борьбы, иметь возможность неоднократно беседовать с теми людьми, кто в той или иной мере играл руководящую или главную роль в развивающихся событиях».

С этим материалом автор, бывший не одним из действующих лиц, а лишь наблюдателем великой исторической драмы, и знакомит читателей в своей книге.

Задаваясь целью «изложить фактическую обстановку, в которой разыгрывались трагические события», Раковский в то же время видит свою задачу «в том, чтобы хотя в самых общих чертах указать на причины, которые повели к поражению вооруженных сил юга России и к победе большевиков».

Раковский пользовался материалом, собранным им «на фронте и в тылу», материалом, полученным им «во время бесед с виднейшими деятелями

гражданской войны этого периода», причем во многих местах он печатает «даже стенограммы таких бесед» (V — VI).

Сам Раковский не без основания характеризует свою книгу, «как интересный сборник фактов и некоторых документов, воспринятых сквозь призму личных впечатлений и переживаний близкого свидетеля и очевидца происходивших событий» (VI).

Однако, г. Раковский глубоко заблуждается, выражая надежду, что его книга «наконец, облегчит, хотя и в незначительных размерах, разрешение задачи государственного строительства великой, могучей, демократической России», — наоборот, приводимые им в изобилии интересные факты неопровержимо доказывают, что «великая Россия», чаемая и ожидаемая белогвардейцами всех мастей, не более, как утопия.

«Грозные симптомы», — так называется первая глава книги Раковского, — содержащая в себе всю квинт-эссенцию, если можно так выразиться, его произведения.

Ядро деникинской армии в пору ее величайших успехов было разъедено червоточиной разложения.

«В то время, когда летом 1919 года армия, возглавляемая Деникиным, победоносно продвигалась на север, когда каждый день приносил нам все новые и новые сообщения о победах, когда перезвон московских колоколов, казалось, отчетливо стал слышен и на Дону, и на Кубани, и на Тереке, и в Крыму, и на юге Украины — в это время уже раздавались предостерегающие голоса, которые указывали, что, чем быстрее мы двигаемся к Москве, тем скорее очутимся в Черном море.

«Это говорили не только политические противники руководящих кругов вооруженных сил юга России. Предостерегающие голоса раздавались и среди высших представителей военного командования.

«Против быстрого продвижения на Москву высказался генерал Врангель, возглавлявший Кавказскую армию, оперировавшую под Царицыном.

«—Необходимо выбрать главным операционным направлением Царицынское,—говорил он еще в январе и апреле 1919 года.

«Будучи командующим Кавказской армией, энергично настаивал он перед ставкой Деникина и в июле того же года на соединении вооруженных сил юга России с войсками верховного правителя адмирала Колчака и изнемогавшими в непосильной борьбе с большевиками уральцами.

«Как показали последовавшие события, стратегический план Врангеля строился на песке, а не на твердом основании. Но генерал Врангель, как показали те же события, был прав, когда настаивал на том, что стратегия генерала Деникина основана на неверных предпосылках.

«Еще более резко и решительно, но по другим мотивам восставал против быстрого продвижения на Москву генерал Сидорин, командовавший Донской армией. Еще тогда, когда Добровольческая армия была под Курском и Орлом, он неоднократно предупреждал Деникина, посылая ему телеграммы, в которых указывал, что нам нужно в первую очередь заняться огромной работой по подготовке тыла к дальнейшему наступлению, что нужно отвести наши слабые, зарвавшиеся вперед войска на юг, пожертвовать даже Харьковом. От Деникина по-

следовал резко отрицательный ответ. Смысл его сводился к тому, что наше быстрое продвижение вперед путает все расчеты большевиков и что, следовательно, опасения, высказанные Сидориным, ни на чем не основаны.

«Если предостерегающие голоса командующих армиями не оказывали воздействия, то тем меньшее значение могли иметь такие же голоса отдельных политических и общественных деятелей и даже местных парламентских учреждений, как, например, Кубанской Рады.

«А между тем, сомнения, которые обуревали наиболее дальновидных представителей военных и политических кругов, сомнения, высказываемые лишь в интимной обстановке (в газетах ежедневно печатались самые оптимистические заверения ответственных руководителей армии), имели под собою более чем веские основания.

«Борьба с большевиками велась под лозунгом — «национальное возрождение великой, единой, неделимой России». Этот лозунг был выдвинут руководящими кругами Добровольческой армии, во главе которых находилось Особое Совещание—высший орган гражданского управления при главнокомандующем. Кроме этого лозунга, весьма неопределенного, чуждого широким народным массам, — вся идеология тех, кто противопоставлял себя большевикам, носила чисто отрицательный характер. Декларативные заявления руководителей борьбы с большевиками, в частности, относительно земельного и политического устройства возрождающейся России, носили казуистический, условный характер и часто, быть может, против воли генерала Деникина, *прикрывали собою вожделения помещи-*

ков и крупных предпринимателей, игравших хотя и закулисную, но *большую роль при ставке*. Повторяю: в своей идеологии, которая противопоставлялась идеологии большевиков, руководящие круги Добровольческой армии оперировали отрицательными, а не положительными лозунгами» (1—3).

Итак, патриотическая идеология добровольцев была лишь покровом для своекорыстных вожделений экспроприированных революцией паразитических классов,—с первых же страниц своей книги заявляет Раковский. Но слушаем дальше.

«Говорили: это у большевиков плохо, то никуда не годится, при советском режиме нельзя жить и т. д. Но, взамен этого не могли указать, а что же, какой именно политический и социальный строй противопоставляется советскому, что же, в сущности, несут с собою вооруженные силы юга России и Добровольческой армии в частности (3—4).

Если господа деникинцы не могли развернуть своей положительной программы,—то делалось это не спроста,—они не решались оскалить свои волчьи зубы, они старались скрыть их под лисьим хвостом слов о «великой, единой, неделимой», они боялись сказать открыто рабочим и крестьянам, что Добровольческая армия подняла меч во имя нового закрепощения трудящихся эксплоататорским классом.

«Выразителем этой идеологии явился отдел пропаганды Особого Совещания («Осваг»), возглавляемый профессором Соколовым. Бездарно копируя большевистские способы пропаганды и агитации, расходуя на это колоссальные денежные суммы, создавая огромное количество учреждений с тысячами служащих, массу синекур,—отдел пропаганды, монополизировав бумагу, монополизировал тем самым

печать, взял на откуп почти всю южно-русскую журналистику. Этот «осважный» период пропаганды письменной и устной, продолжавшийся в течение всего 1919 года, сыграл роковую роль в общем ходе борьбы с большевиками. Пошлость, бессодержательность, отпечаток какой-то тупой ограниченности, поразительной бездарности носили газеты, листовки, брошюры. Крикливо монополизированный патриотизм, замалчивание истины, самая откровенная подтасовка фактов с агитационной якобы целью, близорукость политическая, общественная и военная, курение фимиама властям предержащим, пагубная нетерпимость в отношении всех инакомыслящих — вот отличительные особенности печати, формировавшей общественное и политическое самосознание, вдохновлявшей армию на борьбу с большевиками. Такой же штамп бездарности, казенного патриотизма носила и устная агитация» (4).

В то же время антибольшевистская рать раздиралась серьезнейшими раздорами, подтачивавшими ее боевые силы. Мелкобуржуазные вожди казачества не могли поладить с верховодившими в добровольческой армии царскими генералами.

«Между руководящими течениями в антисоветских территориях юга России с того момента, когда главную роль стали играть круги, группировавшиеся вокруг ставки и Особого Совещания, началась ожесточенная, нездоровая борьба, раскалывавшая силы, обострявшая взаимную ненависть, ставившая Добровольческую армию, а с ней и казачьи войска в изолированное положение в отношении других противосоветских сил и государственных образований типа Украины, Грузии и др. Между тем,

кто возглавлял Добровольческую армию, и руководителями казачества на Дону, Кубани и Тереке, в особенности на Кубани, благодаря непримиримой централистической и, в сущности, антидемократической, бездарной политике Особого Совещания, подавляющее большинство чинов ставки не скрывали своих антипатий к правительствам и представительным учреждениям Дона, Кубани и Терека. Они считали местные государственные образования и вообще децентрализацию временным, пока терпимым злом, местных политических деятелей—жалкими провинциалами. Они твердо верили в то, что лучшие люди, могущие управлять всей Россией—это они и только они. Эта своеобразная самостийность Добровольческой армии под флагом борьбы с самостийностью казачьих образований насаждалась с каким-то фанатическим ослеплением, вызывая среди политических деятелей Дона, Терека и Кубани чувство горечи, разочарования, переходившее временами, в особенности в последний период, нами рассматриваемый, в открытую вражду». (4—5).

Однако, и сама добровольческая армия не являлась единым целым, не проявляла необходимой в борьбе солидарности.

«А между тем и недра добровольческой армии разъедались тем же недугом—антагонизмом между различными категориями чинов Добровольческой армии. Антагонизм этот резко начал проявляться еще после «Ледяного похода», в Екатеринодарский период борьбы с большевиками. Уже осенью 1919 года офицеры и генералы, стекавшиеся в Екатеринодар со всех концов России, ознакомившись со структурой Добровольческой армии, с чувством горечи, боли и разочарования повторяли за своими

предшественниками кем-то пущенную летучую фразу:

— Добровольческая армия состоит из «князей», «княжат» и прочей сволочи.

«Под «князьями» здесь подразумевались «быховцы», с которыми Деникина связывали узы личной дружбы, закрепленной совместным сидением в Быхове, во времена Керенского и Корнилова. Под «княжатами»—участники «Ледяного похода», который совершал генерал Корнилов по кубанским и донским степям в период зарождения Добровольческой армии. Последним термином именовались все прибывшие в Екатеринодар, после его освобождения от большевиков. Эти ненормальные взаимоотношения вносили порою большую дезорганизацию, и тогда «князья» и «княжата» являлись тяжким крестом Деникина. С течением времени «князья» и «княжата» постепенно растворялись в общей массе чинов Добровольческой армии. Вредный антагонизм как будто сглаживался. Этого, однако, нельзя сказать в отношении руководящих кругов Добровольческой армии и казачьих кругов Добровольческой армии и казачьих государственных образований Дона, Кубани и Терека» (5—6).

Здесь трещина становилась все шире и шире.

«Борьба между «людьми центра»—москвичами и петербуржцами, по преимуществу кадетами и октябристами,—и «местными людьми» велась упорная, беспощадная. Характерно, что даже такие, весьма умеренные представители казачества, как председатель Донского Войскового Округа—Харламов, человек «кадетского толка», и те вынуждены были стать в оппозицию к Особому Совещанию, а, следовательно, и к ставке. Нечего, конечно, и гово-

рить о том, что среди влиятельных политических течений на Кубани и Тереке Особое Совещание с момента своего существования не только не завоевало симпатий, но, наоборот, вызвало даже среди умеренных кубанских «линейских» кругов весьма отрицательное к себе отношение. Не имея под собой никакой народной почвы, вольно и невольно изолированное от местной политической жизни казачьих образований, развивавшейся самостоятельно, Особое Совещание и ставка продолжали играть руководящую роль как во внешней, так и внутренней политике, опираясь, в сущности, на чисто бутафорские организации закулисного типа, громко именовавшие себя: «Советом Государственного Объединения» (аграрии и отчасти представители крупной буржуазии), «Национальным Центром» (замаскированные кадеты) и «Союзом Возрождения» (правые, по преимуществу народные социалисты и плехановцы). Заметную роль играла и торговопромышленная группа, не составлявшая, впрочем, политической организации. Монархический «Совет Государственного Объединения» с Кривошеиным во главе, кадетский «Национальный Центр» с князем Долгоруковым и Федоровым и «Союз Возрождения» с Мякотиным и Пешехоновым во главе—все это были маленькие говорильни, претендовавшие на историческую роль, оторванные от масс, варящиеся в собственном соку, изолированные от действительности и жившие пережитками прошлого. Наиболее видную роль играл «Национальный Центр», а затем «Совет Государственного Объединения», так-как в состав этих организаций входили почти все члены «Особого Совещания». Что касается «Союза Возрождения»,

то он все время находился в «оппозиции его величества», и его критика деятельности Особого Совещания носила определенно благожелательный характер. Добавим ко всему сказанному, что из членов Особого Совещания, если не считать его председателей—генерала Драгомирова, потом генерала Лукомского, наиболее видную роль играли: Астров, Соколов, Федоров, а в последнее время Челищев и Савич—самые яркие выразители пресной жвачки, именуемой идеологией Добровольческой армии» (6—8).

Так мало единства было в стане защитников «единой России». Перманентная грызня, склока и свара—такова была неприглядная картина стана «освобожденной» России.

«Для характеристики общего положения необходимо остановиться хотя бы в нескольких словах и на политической обстановке, которая создалась в местных государственных казачьих образованиях. Антагонизм к Особому Совещанию мало объединял различные политические течения на Дону, Кубани и Тереке. Руководящую роль на Дону, после ухода консерватора Краснова, играла политическая группа донских кадетов и радикал-демократов, возглавляемая председателем Донского круга Харламовым и командующим Донской армией генералом Сидориным. Справа стояли германофилы — «красновцы», слева эластичные социалисты типа члена Донского круга Агеева, лавировавшие в зависимости от обстановки. На Кубани враждовали между собою ориентировавшиеся на Великоруссию линейцы и самостийного склада украинофилы - черноморцы. Терек шел обыкновенно с Доном» (8).

«Верхи» вели ожесточенную борьбу за власть, сводившуюся к борьбе за раздел общественного пирога, все—от «красновцев» до «социалистов»—видели в России легкую добычу.

«Вместо внутренней напряженной творческой работы, на Дону, Тереке и Кубани культивировалась борьба мелких честолюбий, интриганство, своеобразное местничество. Быстро менялись группы, находившиеся у власти, за которую шла ожесточенная борьба в казачьих парламентах, в политических и общественных казачьих кругах. *Казачество в массе стояло в стороне* от этой потасовки и *равнодушно относилось* (курсив всюду наш) даже к таким, правда, весьма частным событиям, как министерские кризисы и смены кабинетов. Политическая борьба в центре совершенно не отражалась на перифериях». (8—9).

«Хлопцы» инстинктивно чувствовали, что у них «чубы трещат», когда «папы дерутся». Между тем «патриоты» продолжали заниматься «работой».

«Упорная борьба шла между различными политическими течениями в казачьей среде, разрастался антагонизм между Особым Совещанием и казачьими государственными образованиями. При таком настроении руководящих кругов слабые попытки объединить управление были заранее обречены на неудачу, и пресловутая южно-русская конференция, созванная для организации единой власти, с ее бесконечными заседаниями представителей генерала Деникина и Дона, Терека и Кубани стала притчей во языцех. Вместо объединения с казаками, Особое Совещание, выдвинув свой сакраментальный лозунг—«единая неделимая»—в противовес федералистическим и автономным течениям, существова-

вшим среди казаков, делила уже шкуру не убитого медведя, назначая губернаторов для центральной России, тайно вырабатывая специальные узаконения о полном уничтожении казачьих государственных образований» (9).

Однако, царистская политика «добровольцев» сводила к нулю все их стратегические успехи.

«Армия безостановочно шла к северу. Казалось бы, что вся работа Особого Совещания и ставки должна быть направлена на организацию тыла, на то, чтобы получить твердый и прочный фундамент в народных низах. В действительности дело обстояло иначе. Точно чья-то искусная рука руководила устройством тыла, и, казалось, делала все возможное, чтобы дискредитировать борьбу с большевиками. В тылу царила безудержная вакханалия наживы и карьеризма, устраивали свои оргии спекулянты, грабители и продавали все, что можно. Достаточно сказать, что англичане вынуждены были самолично развозить обмундирование в воинские части, чтобы оно не было раскрадено и распродано по дороге. На-ряду с дикими безудержными сумасшедшими тратами, другая часть населения изнывала под бременем дороговизны и всевозможных кризисов. Богатейший хлебный юг порой испытывал *острый недостаток в хлебе.* Имея в своем распоряжении угольный район мирового значения, неистощимые запасы нефти—не могли наладить за недостатком топлива транспорта, промышленности. Ужасающий подбор личного состава администрации на местах сводил на-нет все громкие слова о законности, порядке, праве. *Старые земские начальники, ожившие пристава,* отбросы царского правительства, облеченные полно-

мочиями, наезжали в качестве маленьких царьков на места и «кормились» сами, стараясь подкормить отощавших, быстро *реставрировавшихся землевладельцев*, которые стремились при поддержке местной администрации и государственной стражи возместить понесенные и не понесенные *убытки*, излить на крестьян накопившуюся в изгнании злобу. Достаточно было побывать в приемной Посовича, управляющего ведомством внутренних дел Особого Совещания, чтобы притти в ужас от того наплыва «бывших людей», которые с полным сознанием своего права являлись в ведомство для получения назначения на ответственные административные должности в местности, с которыми у них в подавляющем большинстве случаев не было абсолютно никакой связи. Понятно, что настроение населения, встречавшего Добровольческую армию с восторгом, быстро менялось» (9—11).

Царистская реакция, собравшаяся в поход на Советскую Россию под флагом добровольчества, не могла скрыть от народа своих острых клыков—и тем скоро оттолкнула от себя и те мелкобуржуазные слои, которые сначала приветствовали освобождение от пролетарской диктатуры. От штатских не отставали и военные.

«На-ряду с административными эксцессами этому содействовал безудержный *грабительский* разгул, которому предавались воинские части во время своего победоносного продвижения на север. *Грабежи были возведены в систему.* На них до последнего времени никто не обращал внимания. Грабили *солдаты*, грабили *офицеры*, грабили многие *генералы*, получившие благодаря услужливой «осважной» печати даже репутацию народных

вождей и героев. Приезжали потом в тыл, предавались дикому разгулу, швыряя миллионами, а там снова *отправлялись на фронт*, руководимые не столько идейными соображениями, сколько *жаждой наживы*». Герои умирали за святую для них идею освобождения России от большевиков, а шкурники, дезертиры, грабители за их спинами наживались и предавались разгулу» (11).

Грабежи и насилия деникинских опричников вызвали поголовное восстание крестьянства.

«В то время, когда официальные круги, убаюкиваемые розовыми мечтами о Москве и кремлевском дворце, везде и всюду констатировали факт всеобщего благополучия и всю свою энергию направляли, главным образом, на борьбу с так-называемой самостийностью казачьих образований, стремясь подчинить их Особому Совещанию,— в это время, широко охватывая целые районы, на юге России разрасталась «махновщина». Возмущенные возвращением в свои имения помещиков, реставрацией крупного землевладения, произволами и насилиями, которые являлись характерной особенностью политики агентов власти на местах, изнемогая от бесконечных поборов, реквизиций и грабежей воинских частей, разочарованные в земельных мероприятиях ставки,—широкие крестьянские массы Украины охотно примыкали к шайкам махновского толка и начинали вести самую беспощадную борьбу с Добровольческой армией. Анархическое по своему происхождению народное движение, возглавляемое «батькой» Махно и другими «батьками» и «атаманами», принимало характер «гайдаматчины», чисто крестьянского восстания

против тех, кого еще два-три месяца назад встречали с восторгом, как освободителей...» (11—12).

Крестьяне убеждались на опыте, что помещичья власть для них во сто крат горше всех тягостей рабочей диктатуры.

«— Мы всей душой ненавидим коммуну,—говорили крестьяне,—но еще больше ненавидим помещиков, которые дерут с нас шкуру» (12).

Итак, украинское крестьянство поражало деникинщину с тылу.

«Опасность такого рода крестьянского движения для дела вооруженной борьбы с большевиками раньше других поняли представители казачества, имевшие более тесную связь с массами, чем оторванные от этих масс представители ставки и Особого Совещания. Но их многократные, весьма настойчивые пожелания о необходимости радикального изменения политики ставки и Особого Совещания, а также о необходимости весьма тщательного подбора администрации на местах—оставались безрезультатными.

«А «махновщина» разрасталась, и в наиболее ответственный период борьбы, когда Добровольческая армия вступила в центральную Россию, для подавления махновщины с фронта были брошены значительные силы, что, конечно, не могло не отразиться самым тяжелым образом на положении важнейших боевых участков. Однако, уничтожая «махновщину» вооруженной силой, ставка и Особое Совещание оставляли в неприкосновенности свою систему насаждения на местах администраторов-помпадуров, больше всего опасаясь каких бы то ни было организованных ячеек местного самоуправления. Казачьи области, упорно отстаивавшие свою самостоятельность, к началу осени

1919 г. попрежнему являлись у чинов ставки, у членов Особого Совещания, а также в руководящих политических кругах центра бельмом на глазу. С мнениями представителей казаков о необходимости радикальных изменений политики на местах совершенно не считались, тем более, что казаки не входили в состав Особого Совещания и не имели своих представителей в ставке» (12—13).

Деникин не придавал серьезного значения делу обеспечения тыла.

«Лишь тогда, когда «махновщина» стала принимать характер стихийного народного движения, направленного против Добровольческой армии, среди наиболее ответственных представителей Особого Совещания началась тревога. Характерно, что лишь в октябре 1919 г. впервые заговорили о причинах и грозном значении «махновщины». Лидер левого крыла Особого Совещания, бывший московский городской голова Астров, выступил с докладом о «махновщине» в одном из секретных заседаний Особого Совещания. Сведения об этом докладе проникли в печать. О «махновщине» заговорили. Однако, ответственные деятели в официальных и не официальных беседах, в особенности с журналистами, продолжали утверждать, что все обстоит благополучно, что никаких оснований для тревоги не имеется и... «мы скоро будем в Москве»...

«В сущности говоря, все вопросы, связанные с предотвращением катастрофы, отходили на задний план перед раздорами, ссорами, закулисной борьбой, интриганством и местничеством, происходившими в политических недрах Ростова, Таганрога, Новочеркасска и Екатеринодара» (13—14).

Это значит, что господа «освободители» слишком увлеклись дележем шкуры еще не убитого медведя.

Если положение дел внутри самого добровольческого стана не сулило ему никаких надежд на победу, то не более благоприятно складывалась для него и международная конъюнктура, несмотря на активную помощь союзников «добровольцам».

«Безотрадно было положение вооруженных сил юга России в тылу, там, где, казалось, должна была быстрым темпом строиться новая, обновленная, освобожденная Россия. Не радовала и оценка внешнего международного положения боровшихся с большевиками.

«В основу политики руководителей вооруженных сил юга России была положена так-называемая «союзническая ориентация», верность обязательствам России в отношении союзных держав. Немцы считались не только авторами большевизма, идейными вдохновителями его, но и прямыми руководителями как фронта, так и тыла Советской России. Германофобство было возведено в догмат. Все надежды и расчеты в ставке, в Особом Совещании, в политических кругах, строились на теснейшей связи с союзными державами, в частности с Англией и Францией.

«Между тем, отношения с Антантой, которая, казалось, оказывала свою могущественную поддержку вооруженным силам юга России, ухудшались, а не улучшались.

«Трезвые реалисты, союзники чутко реагировали на успехи и неудачи антибольшевистских сил, и политика их сводилась к тому, что, в случае успеха, помощь, оказываемая армиям генерала Деникина, становилась более реальной. При неудачах отноше-

ние менялось. В политике союзников отсутствовали широта замысла и решительность в действиях. В связи с этим в широких народных массах, военных и политических кругах наблюдалось все более и более сдержанное отношение к союзникам, переходившее уже порой в нескрываемую антипатию. И это понятно, если принять во внимание, какую неопределенную политическую линию проводила Антанта на юге России. Поддерживая Деникина, фанатично преданного идее восстановления единой, неделимой, великой, могучей России,—союзники вели в то же время двойственную политику в Закавказье, на северо-западе, на Украине, где определенно содействовали расчленению России». (14—15).

Идеологи добровольчества были так наивны, что рассчитывали, что союзники помогают им ради их прекрасных глаз,—последние, однако, спешили рассеять их заблуждение, не упуская случая урвать кусок в гражданской войне.

«Казалось, что находившиеся на юге России представители союзных держав более чем отрицательно настроены в отношении большевиков. В беседах по этому поводу они с чувством собственного превосходства заявили:

— «У нас большевизма нет и не будет.

— «Почему же вы так нерешительно помогаете нам—вашим друзьям и союзникам?

«Ответы на этот вопрос давались весьма уклончивые.

— «Потому, что мы устали от войны. Потому, что *против этого* решительно высказывается *наше общественное мнение.* Потому, что у нас происходит *широкое социальное и политиче-*

ское движение. Потому, что... вы сами не желаете по настоящему бороться с большевиками. Посмотрите, что у вас делается в тылу. Дайте нам живую силу,—говорите вы... А разве у вас мало живой силы? Посмотрите, сколько здоровых молодых людей, занимающихся спекуляцией и кутежами, разгуливает по тылам. Мобилизуйте их. Отправьте на фронт. Просите материальной помощи. Хорошо... Но *почему же нашим обмундированием завален юг России, завалены базары, а фронт раздет?* Почему у вас такой развал в тылу? Мы не видим настойчивой, энергичной борьбы с разрухой, с казнокрадством... Вы сами не хотите по настоящему воевать с большевиками...

«Нарастало взаимное непонимание, раздражение. *Сказывались результаты* огромной политической *работы* представителей воинствующего *большевизма на Западе.* Советская Россия, являвшаяся необъятным рынком для переполненных товарами промышленных стран Европы, находила в представительных учреждениях этих стран, среди рабочих и даже в широких политических кругах, весьма энергичных защитников. И это понятно, ибо, не говоря уже о политических соображениях, *Антанта, блокировавшая Советскую Россию,* теперь *сама начинала задыхаться от этой блокады»* (15—16).

Борьба рабочих масс Запада против империалистов под знаменем «руки прочь от Советской России!», а также растущий экономический кризис, парализовали усилия наиболее рьяных интервенционистов, вроде Уинстона Черчилля,—и деникинцы жаловались на недостаточную активность поддержки

союзников... Жалуется Раковский и на «малую осведомленность союзных держав о юге России».

«Объясняется это, в значительной мере, плохой организацией представительства, в особенности французского. В течение нескольких месяцев, например, представителем Франции при ставке был один лейтенант Эрлиш, который, как потом заявил во французской палате депутатов министр иностранных дел, вовсе не был представителем Франции. Эрлиша сменил начальник военной миссии полковник Корбейль, по его словам, почти не имевший связи с Францией в течение нескольких месяцев. Лишь в конце осени 1919 года в ставку прибыла военная миссия генерала Манжена, но и эта миссия имела, например, в наиболее ответственный момент при штабе Донской армии одного двадцатилетнего мальчика лейтенанта Бушекса, что, конечно, не могло содействовать укреплению связи Франции с Доном и усугубляло общее разочарование в союзниках. Солидные военные миссии имели англичане, в зону влияния которых входил юго-восток России и Кавказ. Английские офицеры и инструкторы как будто бы принимали участие во всем том, что происходило на фронте. Но сами они, особенно в последнее время, ощущали ненормальность своего положения и при всей своей сдержанности иногда позволяли себе весьма резко отзываться о двойственной, нерешительной политике своего правительства и парламента. Это настроение ярко проглядывало в таких, например, саркастических заявлениях, как тост, произнесенный на одном из банкетов майором Эфипеном по поводу колебаний руководящих кругов Англии между большевиками и их противниками...

— Я не оратор, я солдат, — говорил он. — Я не умею хорошо говорить, но зато в Англии есть много хороших ораторов. Думаю, однако, что если бы таких ораторов у меня на родине было бы меньше, помощь, которую мы вам оказываем, была-бы гораздо более реальной» (16—17).

Разочарование добровольцев в союзниках создавало почву для германской ориентации.

«Параллельно с возрастающим разочарованием в союзниках усиливали свою работу германофилы, ядро которых в то время состояло частью из крайних правых, частью из аграриев, частью из представителей гвардейско-монархических течений.

«И снова в политических, общественных кругах и в газетном мире с болезненной остротой ставился вопрос относительно ориентации...

«Такова была общая обстановка к началу осени 1919 года, когда, после торжественного переезда ставки и Особого Совещания из Екатеринодара в Ростов и Таганрог, после неискреннего прощанья с Кубанью, глухие раскаты надвигавшейся грозы заставляли с ужасом прислушиваться к ним дальновидных и проницательных людей. Опускались руки, кровью обливалось сердце при виде разрушения того, для создания чего были затрачены такие колоссальные усилия. Сгущалась смрадная атмосфера тыла и ростовского в особенности. Трудно было дышать этим отравленным миазмами военного, политического и морального разложения воздухом» (17—18).

Мы почти целиком выписали первую главу книги Раковского — ибо нельзя было ярче нарисовать картину разложения добровольческого предприятия, чем это сделано рукой друга...

Комментарии тут едва ли нужны — приводимые Раковским факты непреложно доказывают буржуазно-помещичий характер деникинской реставрации...

Отметенные от власти классы были лишены как материальных, так и моральных сил, которые могли бы обеспечить за ними победу,—в их стане царила «мерзость запустения»...

Совсем иную картину представляла рабоче-крестьянская Россия, на которую ополчились царские генералы. Раковский утверждает, что в борьбе за власть большевики оказались на высоте положения,— они действовали с величайшей энергией и развили широкую агитационную деятельность, приносшую обильные плоды.

В этом факте проявилась мощь юного революционного класса, полного еще непочатых сил, одухотворенного сознанием, что ему предстоит завоевать целый мир.

«А большевики не дремали. Нужно отдать им справедливость, в борьбе за свое существование, в борьбе за власть, они проявили необычайную энергию, необычайную гибкость, ловкость и умение в использовании всех средств и возможностей для скорейшей ликвидации вооруженных сил своих наиболее стойких и упорных врагов на юге России. Сотни миллионов бросались ими на агитацию. Громадные суммы затрачивались на организацию коммунистических и повстанческих ячеек. И эта огромная работа, в противоположность деятельности ставки, Особого Совещания, в частности «Освага» приносила весьма определенные результаты. Развал армий Верховного Правителя адмирала Колчака, катастрофическое отступление его войск,—все это дало руководителям Советской России возможность

обратить свое исключительное внимание на юг, на войска генерала Деникина» (19).

Но большевики оказались не только мастерами пропаганды,—они правильно учли уроки гражданской войны.

«Убедившись, какое огромное значение имеет в гражданской войне конница при наличии мало дисциплинированной, формировавшейся наскоро пехоты, они выдвинули в качестве очередного новый лозунг:—«Пролетарии на коней!»—и успели в течение лета 1919 года сформировать большие конные массы, укомплектованные изгнанными и ушедшими из своих станиц и хуторов донскими, кубанскими, терскими казаками и иногородними. Эти казаки и иногородние ушли на север вместе с большевиками еще в 1917 году, когда Дон, Терек и Кубань освобождались от гнета Советской власти. Позади себя они оставили свои дома и хутора, разграбленные озлобленными односельчанами—противниками большевиков. Тяга на родину заставила их стремиться на Дон, Терек и Кубань, куда путь был отрезан и куда можно было возвратиться только с оружием в руках» (19—20).

Между тем Деникин шел очертя голову вперед,—не подозревая, что он идет навстречу катастрофе.

«Ослепленные головокружительным продвижением на север вооруженных сил юга России руководители военных операций, те, кто играл главную роль в политической и общественной жизни, в сфере гражданского управления,—все эти оторванные от действительности люди чуть ли не со дня на день ожидали взятия Москвы. Да и как было не мечтать им об этом, когда Добровольческая армия находилась на путях к Курску и Орлу и когда

замышлялся сулпвший полный успех маневр, при удачном выполнении которого Россия должна была, казалось, вступить в новую эру своей истории.

«Уже во время своего пребывания в освобожденном от большевиков и махновцев Екатеринославе, а перед этим в Царицыне, главнокомандующий вооруженными силами на юге России генерал Деникин отдал свой знаменательный приказ о походе на Москву. В ставке Деникина был разработан план похода, и каждой из армий—Добровольческой, Донской и Кавказской—были даны определенные директивы, осуществление которых привело бы к занятию центра Советской России.

— Объявлен поход на Москву — эти крылатые слова с быстротой молнии облетели юг России.

— «Москва»,—это сакраментальное слово стало лозунгом дня.

«Всеобщему ликованию официальных и официозных кругов не было пределов. В газетах печатались восторженные хвалебные гимны Деникину и Добровольческой армии. В разговорах представителей особого совещания и ставки все время проводилась мысль о необходимости, как можно скорее, распрощаться с казачьими государственными образованиями, переносить резиденцию ставки на север, в Харьков, примерно, и выступить уже на широкой общероссийской арене. Уже давно раздавались протестующие голоса «осважников» по поводу того, что Деникин поторопился признать Верховным Правителем адмирала Колчака, и что ошибку немедленно по занятии Москвы нужно исправить.

«Уж взят был Курск. Начинался эффектный период в истории донской конницы—прогремевший по России рейд генерала Мамонтова.

Эффектный с внешней стороны рейд генерала Мамонтова, однако, не имел того огромного значения, которое ему первоначально приписывалось» (20—22).

Наступило, наконец, начало конца. Цвет царского генералитета, собравшийся в деникинской ставке, совершил ряд непростительных стратегических ошибок.

Генералы оказались не только никуда не годными политиками, но и никчемными стратегами.

«Между тем, Кавказская армия под ударами превосходных сил оправившихся после разгрома под Царицыном большевиков была отброшена к югу. Царицын был удержан Врангелем. Но его армия окончательно потеряла возможность начать новую наступательную операцию.

«Отбросив к югу в августе Кавказскую армию, большевики стали перебрасывать силы для защиты Москвы и начали переходить в наступление против Добровольческой армии, возглавляемой генералом Май-Маевским. А Добровольческая *армия растянулась на огромном фронте. Резервов не было, части сорганизованы были плохо.*

— *Армия*,—как впоследствии *писал* в своем письме к Деникину *Врангель*,—*воспитанная на произволе*, грабежах и *пьянстве*, имея *начальников*, которые *примером* своим *развращали войска*, такая армия не могла создать Россию. Лишенная организованного тыла, не имея в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления и отходя по местности, где *население* научилось *ненавидеть добровольцев*,—армия, начав отступление, стала безудержно катиться назад по мере того, как развивался успех противни-

ка и обнаруживалась несостоятельность стратегии и политики» (23—24). Официально, однако, на Шипке было все спокойно.

«Для непосвященных в тайны военной обстановки людей, для тех, кто был ослеплен упоительным лозунгом—«Поход на Москву»—все, казалось, обстояло великолепно. Цветами засыпали отряд Бредова, взявшего Киев. Ядро Добровольческой армии—корпус генерала Кутепова—состоявшее из частей имени Корнилова, Маркова, Дроздовского, уже заняло Курск, продвигаясь к Орлу.

«В действительности же военное положение с каждым днем становилось все более и более грозным. Добровольческий корпус уже испытывал сильное давление со стороны подвезенных большевиками резервов» (24).

На мгновение военное счастье вновь клонится на сторону белых,—они ликвидируют прорыв большевиков, берут Воронеж, Орел.

«Добровольческая армия находится на глазах общественных и политических кругов юга России в зените своей славы и могущества. Но уже отчетливо слышны раскаты надвигающейся грозы.

«Лишь несколько дней казаки удерживают Воронеж. Взятый в конце сентября 1919 года Орел в первых числах октября уже оставляется Добровольческой армией. Начинаются первые неудачи. События развертываются с головокружительной быстротой» (25).

То вступила в бой конница Буденного.

Между тем цвет Деникинской кавалерии корпус Мамонтова разложился окончательно в результате тамбовского рейда.

«Лошади были истощены. Весьма многие из казаков и офицеров имели в сумах огромное количество денег и всякого ценного имущества, награбленного ими во время рейда. Все они стремились, после весьма длительной отлучки, побывать в родных станицах и хуторах, увидеться со своими семьями, завезти домой и отдать казачкам награбленную добычу. Лучший, отборный корпус из семи тысяч быстро уменьшился до тысячи—тысячи пятисот всадников. Прошел боевой пыл и у генерала Шкуро, который послал в ставку телеграмму, где указывал, что он, в виду страшного переутомления от многодневных боев, не в силах далее руководить военными операциями, а потому принести пользу в таком состоянии он не может» (25—26).

Деморализованные грабежем конные части Деникина были не в состоянии оказать противовеса коннице Буденного.

«Лошади до такой степени устали, что не могли развивать никаких аллюров, кроме шага. У усталых людей, дезорганизованных грабежами и насилиями, исчезала вера в свои силы» (26).

Искусная маневренная тактика красных полководцев принуждала белую армию к непрерывному отходу.

«Командованию донской армией приходилось учитывать возможность того, что в один прекрасный день конница Буденного может повернуть на юго-восток и пойти по тылам донцов. Одновременно с этим нужно было выравнивать фронт Донской армии и с другой стороны. Со стороны Богучара появился конный корпус Думенко, талантливого вахмистра» (27).

Больше всего боеспособности сохранил Дон.

«В то время, когда главное командование, располагая неистощимыми людскими резервами Украины, Крыма, Новороссии, благодаря военной бездарности помощников генерала Деникина, ответственных руководителей Добровольческой армии, имело лишь ничтожные по численности войска и даже обращалось к Дону за пополнениями,—на Дону были мобилизованы все способные носить оружие, и армия Донская в численном отношении являлась весьма внушительной силой» (28).

Для общей характеристики положения, создавшегося на фронте Добровольческой армии, Раковский набрасывает картину военного совещания, устроенного по приказанию главнокомандующего Деникина и под его председательством 2 ноября 1919 г. в Харькове, в штабе Добровольческой армии, возглавляемой генералом Май-Маевским. На совещании присутствовал цвет белого генералитета.

И что же? Когда Деникин первым долгом обратился к Май-Маевскому с приказанием доложить о положении на фронте, — «оказалось, что (в оперативном отделении) нет карты. Май-Маевский заявил, что карта находится на вокзале, где, по его предположениям, должно было состояться совещание. Больше часа ожидали участники совещания, пока привезут карту, так как фактически на чинов штаба, на командующего, на все оперативное отделение была только одна карта, которой все и пользовались. На участников совещания эта маленькая, но весьма характерная деталь произвела весьма тяжелое впечатление» (29 — 30).

Этот поразительный факт живо напоминает обстановку, в которой в 1904—1905 г.г. царские генералы воевали с Японией,—у них также не было карт...

На том же совещании, продолжает Раковский, из докладов генералов «сразу же выяснилось, как мало осведомлен штаб о положении на фронте, о расположении частей, даже приблизительно. Когда начался подсчет сил противника на основании сведений, добытых разведкой, то чины штаба Добровольческой армии обнаружили свое полное незнание, кто перед ними и в каком числе воюет. Из этого доклада можно было сделать один вывод: фронт Добровольческой армии сбит и отходит в полном беспорядке, потому что нельзя было иначе допустить, что никто не знает местонахождения многих частей, хотя условия связи благодаря хорошо развитой железнодорожной сети были весьма удовлетворительны.

«... Из доклада Май-Маевского и оценки обстановки. Перед участниками совещания определенно выяснилось, что Добровольческая армия находилась в страшно расстроенном состоянии, что никаких резервов не было. На фронт в день совещания отправлялось последнее пополнение в 700—800 человек, и больше в ноябре никаких пополнений не было. С полной ясностью выяснилось, что системы запасных частей на территории Добровольческой армии создано не было. Не было произведено и сколько-нибудь правильной мобилизации» (30—31).

Бездарные военачальники старались зато показать себя в тылу. На том же совещании выяснилось, что даже сам Деникин «весьма взволнован гражданской деятельностью Май - Маевского как главноначальствующего территории Добровольческой армии» (31).

Итак, «сгущалась с каждым днем военная атмосфера, разрасталась тыловая разруха, спекуляция прини-

мала характер общественного бедствия, воровство и казнокрадство достигали грандиозных размеров. Ко всему этому присоединились эпидемические болезни и, в особенности, эпидемия сыпного тифа, от которой вооруженные силы юга России таяли, буквально, не по дням, а по часам. Я помню, напр., пишет Раковский, как на станцию Миллерово (Калединск), где я находился в октябре месяце 1919 года, привозили с предыдущей станции Чертково целые поезда с мертвыми телами сыпнотифозных, которые умирали от холода, от недостатка ухода, от голодовки, от отсутствия примитивных удобств. Из поездов трупы по несколько десятков грузили на большие телеги, хозяева которых, взгромоздившись на эти возы, отъезжали на кладбище, где в общие могилы сваливали свой страшный груз» (32—33).

Трудящиеся массы встрепенулись в ожидании скорого прихода своих избавителей—красноармейцев.

По свидетельству Раковского

«Уже в низах упорно говорили о том, что скоро «наши придут» и в Ростов, и в Екатеринодар» (33).

Зато в деникинском стане

«Всеобщее воодушевление сменялось упадком духа при виде, теперь уже резко бросавшегося в глаза, материального и морального разложения. Падал авторитет и престиж Добровольческой армии, ставки и членов Особого Совещания, все еще ослепленных своим эфемерным величием».

Деникин решил заменить Врангелем Май-Маевского, дальнейшее пребывание которого в должности командующего Добровольческой армии стало абсолютно немыслимым.

«На сравнительно молодого, энергичного, популярного в военных и гражданских кругах генерала

Врангеля, несмотря на тяжелое положение кавказской армии, тогда возлагались большие надежды, как на одного из весьма талантливых военных начальников. Врангель сдал Кавказскую армию генералу Покровскому и вступил в командование Добровольческой армией» (36).

Но и Врангель не сумел спасти безнадежного дела.

Раздоры между элементами, из которых слагался антибольшевистский фронт, не прекращались.

«Общее положение отягощалось, наконец, и тем, что между руководителями Донской и Добровольческой армий не было взаимного доверия. Представители донского командования были весьма обеспокоены тем, что Врангель не осаживает свой левый фланг для прикрытия Ростова, а почему-то еще более осаживает свой правый фланг, объясняя это тем, что со стороны Буденного наблюдается большая угроза правому флангу в тылу Добровольческой армии. Откидывая правый фланг и задерживая левый, Врангель, как были убеждены высшие представители командования Донской армии, хотел спасать Добровольческую армию, оторвавшись от Донской и предполагая отходить прямо на Крым» (36—37).

Дезорганизация Добровольческой армии росла в геометрической прогрессии.

Раковский передает отчет об ее положении, сделанный Врангелем 11 декабря на свидании с командующим донской армией генералом Сидориным.

«На фронте, по словам Врангеля, находится три-четыре тысячи человек, которые доблестно дерутся и сдерживают ценой невероятных усилий натиск большевиков. Достаточно сказать, что отдельные полки везли за собой по двести ва-

гонов различного имущества. Войсковые части, главная масса офицерства, вообще командного состава, усиленно занималась спекуляцией. Военная добыча отправлялась в тыл, ее сопровождали в большом количестве офицеры, масса различных воинских чинов, для ликвидации этого имущества, для разного рода спекулятивных операций. Врангель указывал на вакханалию наживы, которая происходила в тылу, на те безобразия, которые творились на фронте. Он прочитал несколько своих докладов об этом главнокомандующему. Он заявил затем, что, по его мнению, необходимо немедленно подвергнуть самому беспощадному наказанию бывшего командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского как преступника, который развратил армию, не организовал запасных частей для подготовки пополнений, допустил все тыловые безобразия, центром которых была резиденция Май-Маевского—город Харьков (38—39).

Врангель не щадил своего командования.

«Вы согласны с тем, Владимир Ильич,—заявил он,—что главным командованием допущены колоссальнейшие ошибки, в особенности в организации гражданской власти.

— Да,—ответил Сидорин,—ошибки были допущены весьма большие.

«Во время дальнейшей беседы и критики различных мероприятий Деникина разговор зашел и о земельном вопросе. Критикуя программу земельной реформы, разработанную по приказанию Деникина, особенно настаивал Врангель на сохранении выкупной системы» (41).

Но, критикуя политику, проводившуюся Деникиным, Врангель не предлагал ничего нового.

Во время беседы двух генералов зашла речь о «будущем строительстве государства Российского».

И что же?

«В основу этого строительства, по мнению Врангеля, должна быть положена военная диктатура» (42).

Ее методы, как известно, Врангель и положил впоследствии в основу своего «строительства» государства Крымского.

Уже в конце 1919 г. от внимательного наблюдателя не могло укрыться крайнее правое устремление барона. В той кампании, которую Врангель вел против деникинской ставки, метя на пост главнокомандующего, — он стремился опереться на крайние правые круги «Особого Совещания».

«В ставке знали, что Врангель оказывает большое влияние в этом отношении на некоторых видных членов Особого Совещания, на отдельные — в особенности правые общественные и политические организации, из которых в наиболее тесной связи находился Врангель с «Советом Государственного Объединения», во главе которого стоял Кривошеин», бывший царский министр, ставший потом правой рукой Врангеля в Крыму (44).

Развал деникинского фронта принимал катастрофические размеры.

За несколько дней до сдачи Новочеркасска и Ростова состоялось совещание Деникина с командующими армий.

«Когда участники совещания перешли к рассмотрению вопроса, касающегося обороны Ростова и Новочеркасска, то обнаружилось, что, хотя давно было ясно, что войска отойдут к этим пунктам, — к укреплению огромной важности позиции никаких мер до сих пор принято не было» (47).

Один из «генералов для поручений при командующем Добровольческой армией» на вопрос автора—

«Какое же наследие оставил вам Май-Маевский»,—ответил:

—«Пьянство, грабежи, повальные грабежи... Армия распустилась до последних пределов. Какой ум нужно было иметь, чтобы с теми силами, которые были в распоряжении Май-Маевского, итти на север, совершенно не имея за собою тыла» (48).

Господа буржуа утратили всякую надежду на успех,—они палец о палец не ударяли для своего фронта.

«В Ростове уже начиналась паника. Еще пережевывались заезженные фразы о патриотизме, о самопожертвовании, о великой, единой, неделимой России. В действительности, лишь немногие работали, чтобы помочь фронту. Большинство из находившихся в тылу общественных и политических деятелей, представители буржуазии думали лишь о том, как бы уехать поскорее в Екатеринодар, в Новороссийск, за границу. За ничтожными исключениями везде наблюдался полный упадок духа. Даже среди игравшего большую роль в ставке и Особом Совещании Центрального Комитета Партии Народной Свободы раздавались, правда, отдельные голоса, в пользу капитуляции, в пользу соглашения с Германией и т. д.» (49).

«Освободители» растерялись окончательно.

«В сущности, никто из представителей центральной и местной власти не мог дать ответа на вопрос: что же нужно делать?» (50).

В воздухе повис лозунг: «спасайся кто может!»

«В этот критический момент, когда представители органов власти, не исключая и Донского вой-

скового круга и Особого Совещания, должны были проявить наивысшую стойкость и работоспособность,—они спешили как можно скорее сбежать на Кубань, в Екатеринодар, в Новороссийск, бросив все на произвол судьбы. Бросая на произвол судьбы раненых и больных в то время, как спекулянты, представители крупной буржуазии, тысячи «работавших на оборону», примазавшихся ко всевозможным учреждениям лиц,—все они имели в своем распоряжении великолепные вагоны, целые поезда «особого назначения», битком набитые чемоданами желтой кожи, всякой рухлядью, вплоть до роскошной мебели. Противнику оставлялись ценные военные грузы... разворовывались склады с обмундированием, гибли миллиарды... бросалось и расхищалось то, без чего нельзя было продолжать войну.

«Все, что создавалось с затратой таких колоссальных усилий — совершенно неожиданно расползалось во все стороны. Это был позорный провал системы, недостатки которой вдруг выявились с ужасающей рельефностью» (50—51).

Очень важно признание Раковского, что Советское дело одержало ныне колоссальную моральную победу. «Не только от наличия военной силы зависел сейчас исход борьбы. Неизмеримо большее значение имел моральный фактор. Большевики решили вопрос психологически. Их противники теряли веру в себя, волю к победе. И огромная донская конница, с глубокой ненавистью относившаяся к большевикам, теряла, как выражались фронтовики, «сердце» и отходила к Новочеркасску, не проявляя той стойкости, которой она отличалась несколько месяцев назад» (51).

И Раковский, наблюдая картину ужасающей разрухи, вынужден был задать себе вопрос:

«Были ли мы настолько жизнеспособны, чтобы, в случае победы с большевиками, создать новую Россию. Нет, ибо претендовавшие на эту историческую роль слишком много принесли с собою на юг пережитков старого».

«В эти дни мне стало ясно, заключает Раковский, что будущее принадлежит не Деникину, не тем, кто его окружает» (52).

Даже деникинские военачальники в беседах с Раковским «прямо говорили, что причина катастрофы заключалась, главным образом, в неправильной политике...»:

«Нам не раз предлагали живую силу. Мы ею не воспользовались, тогда как должны были принимать ее с распростертыми объятиями.

«Пусть Петлюра требует самостийности Украины. Получай ее, давай силу и бей большевиков» (53).

«Все потом разберет и решит Учредительное Собрание. Мы делили шкуру не убитого медведя» (52—53).

Но сторонники «единой, неделимой» и слышать не хотели о самостоятельности окраин...

Перед уходом из очищаемых ими городов белые старались оставить по себе неизгладимую память неслыханными зверствами.

«С большим трудом из Ростова, где находился штаб корпуса Кутепова, где по улицам на фонарных и телефонных столбах были развешены по его приказанию те, кто считался большевиком или, по мнению вешавших, был изобличен в сочувствии им, 24 вечером я добрался до Новочеркасска» (55), пишет Раковский.

А там «происходило что-то непонятное, необъяснимое... Сил, казалось, было более, чем достаточно. Настроение войск было великолепное. И вдруг... столица Дона, колыбель Добровольческой армии, змеиное гнездо контр-революции, по выражению большевиков,—город Новочеркасск оставлялся донцами, можно сказать, без упорного, кровавого, беспощадного боя, к которому повидимому войска были вполне готовы» (57).

После потери Ростова и Новочеркасска остатки «вооруженных сил юга России» отошли за Дон.

Раздоры между «Доном», «Кубанью» и добровольцами не прекращались.

«Еще в начале ноября Кубанская «Рада под давлением вооруженной силы должна была выдать генералу Покровскому находившегося в Екатеринодаре члена Парижской делегации Калабухова, который был повешен по приговору военно-полевого суда» (66).

Естественно, что мелкобуржуазные политиканы из Рады не могли питать особого расположения к Деникину, особенно после его военного и политического краха. Главнокомандующему пришлось иметь дело с сильной казачьей оппозицией, когда в первых числах января 1920 г. открылись заседания верховного казачьего круга, состоящего из 150 человек, избранных Кубанской Радой, Донским и Терским кругами. Делегаты определенно склонялись к разрыву со ставкой. Но спасти безнадежного положения они не могли.

«В подавляющем большинстве члены Верховного Круга были совершенно бесцветны, не организованы, не сплочены и лишены навыков даже к элементарной государственной работе. И, конечно, эта

серая масса, пытавшаяся взять на юго-востоке власть в свои руки, мечтавшая о том, чтобы начать новую эру не только в истории казачества, но и в истории всей России,—не могла вдохнуть энтузиазм в войска, ибо она сама лишена была какого бы то ни было энтузиазма, находилась в состоянии маразма и разложения» (70).

Мало того, демократы из Рады были немного теснее связаны с массой, чем генералы-фронтовики.

«В сущности говоря, *представительные учреждения—Донской Круг, Кубанская Рада и Терский Круг—теряли* с каждым днем свой последний *престиж* и авторитет *в глазах местного населения.* Банкротство казачьего парламентаризма, особенно ярко бросавшееся в глаза в этот период, объясняется не только общими политическими и военными условиями, но, в значительной мере, и личным составом представительных учреждений. За малыми исключениями донские, кубанские и терские парламентарии совершенно случайно попали на это амплуа в период хаотических выборов, происходивших непосредственно после освобождения юго-востока от большевиков. *Лишь с большими и большими оговорками можно было считать местные представительные органы выразителями настроения населения,* теперь почти не интересовавшегося работой своих избранников и индифферентно относившегося к той закулисной политической борьбе местных честолюбий, которая являлась, напр., наиболее характерной особенностью Кубанской Рады» (70—71).

Члены Рады — эти мелкобуржуазные деятели типа трудовиков, эн-эсов — по признанию Раков-

ского—не имели за собой масс. Ибо *большинство трудящихся*—по его же словам—стояло за большевиков, но было лишено избирательного права!

«Как сознавали и местные парламентарии, *иногороднее население* казачьих областей, в виду своего первоначального *сочувствия большевикам*, почти *не имело представителей* на кругах и в Раде. Это обстоятельство было одним из коренных дефектов местного парламентаризма и оказывало дезорганизующее влияние на краевую жизнь, так как *иногородные* в численном отношении, хотя и незначительно, но *превышали казаков*» (71).

Вот она учредиловская демократия! По отношению к массам г.г. демократы, когда за ними сила, не стеснялись практиковать ту же меру, за применение которой к эксплоататорским классам они так поносят большевиков—устраняют их от участия в политической жизни!

В результате мнимо-демократические учреждения превращались в орудия дельцов и демагогов.

«Являясь теперь только плохими суррогатами народного представительства, теряя с каждым днем свою весьма слабую связь с народными массами, Донской Круг, Кубанская Рада и Терский Круг быстро лишились своего первоначального (?) значения, как выразителей и представителей того творческого процесса государственного строительства, который происходил и определенно выкристаллизовывался на юге России, и, в особенности, в казачьих областях. Естественно, что казачьи парламенты попадали в руки *нескольких ловких*, энергичных, часто *беспринципных* людей, владевших даром слова, которые проводили желательную им политику, обделывали свои *личные* или групповые *дела*,

прикрываясь авторитетом местного представительства» (72).

Одним словом, представительные учреждения на юго-восточных окраинах России очень скоро проделали эволюцию, типичную для европейского парламентаризма.

Естественно, что каррикатурные рады не в состоянии были повести за собой массы.

«В действительности же они были бессильны повлиять на настроения низов, руководить этими настроениями, так как *кубанцы в массе мало интересовались* приказами и распоряжениями *правительства,* постановлениями и резолюциями своего *парламента*—Рады, измельчавшей, выродившейся в период годичной бесплодной борьбы различных групп и течений. С другой стороны, высшие органы власти на Кубани не проявляли в отношении помощи фронту той настойчивости и энергии, которые так были необходимы в этот критический момент. Немалую роль здесь играли опасения, как бы, в случае нового успеха и продвижения вооруженных сил юга России на север, главное командование снова не восстановило бы свое утраченное влияние, а, следовательно, как бы снова не началась та борьба с политическими и военными кругами ставки, которая была так характерна для истекшего года» (73—74).

Взаимное подсиживание боровшихся за власть групп и лиц не прекращалось в самые тяжелые моменты для белого дела,—у казачьих верхов не было единства...

«Старший брат» Дон истекал кровью. «Младший брат» *Терек* изнемогал в *борьбе с восставшими горцами* и помощи дать не мог. Но напрасно

представители Дона настаивали перед кубанскими властями на проведении самым энергичным образом скорейшей мобилизации» (74)—ее результаты были ничтожны,—и Советские войска могли бить контрреволюционные силы по частям.

Кубанские станичники митинговали, не желая итти на фронт, а верхи Кубани не проявляли энергии и настойчивости в деле мобилизации.

«Со стороны руководящих учреждений и лиц, возглавлявших Кубань, не было к этому доброго желания, и в отношении помощи фронту наблюдался, как будто бы, своеобразный *саботаж*. Станицы митинговали, и это митингование, в значительной мере, было результатом той агитации, которую незадолго перед этим вели терроризированные Врангелем и Покровским разъехавшиеся по станицам члены Рады» (75).

С целью ликвидации всех этих осложнений и конфликтов Деникин созвал в начале января в Тихорецкой совещание из начальников вооруженных сил и верховного казачьего круга.

«Донской атаман Богаевский своим выступлением вызвал горячие протесты со стороны председателя Верховного Казачьего Круга Тимошенко, так как он прямо заговорил о предательстве и назвал Верховный Круг «совдепом». Само собой разумеется, что в такой атмосфере казались весьма странными условия соглашения с главным командованием, предлагаемые Тимошенко, сущность которых сводилась к тому, что верховная власть должна быть сосредоточена в руках особого законодательного органа, перед которым нес бы ответственность даже и главнокомандующий. Для членов Круга ясно было, что реальная сила—фронт

находится все еще в подчинении у главного командования» (79).

Тихорецкое совещание дало победу Деникину, вокруг которого собралось военное командование казачьих армий.

Все же переговоры между «ставкой» и «казаками» затягивались:

«Между тем положение на фронте, казалось, крепло с каждым днем. Чтобы так или иначе, а выйти из этого тупика, генерал Деникин, по просьбе членов Круга, прибыл в Екатеринодар и 16-го января выступил на заседании Верховного Казачьего Круга с декларативной речью, одобренной предварительно военными руководителями армии» (80).

Генерал постарался спрятать свои волчьи зубы и стал помахивать перед делегатами лисьим хвостом.

«В своей речи Деникин выставлял и новые политические лозунги: «Вся власть Учредительному Собранию», «Земля трудящимся» и т. д. (81).

Ни дать, ни взять—чистейшая «керенщина», столь ненавистная генералам!

В результате было заключено соглашение между деникинским командованием и Казачьим Кругом об образовании единого правительства для казачьих областей и территории Добровольческой армии на основах признания в лице Деникина высшего носителя военной и гражданской власти.

«Однако, оно не меняло существа дела. Уже тогда, когда Деникин в эффектной форме корниловского полка стоял на трибуне перед членами Верховного Круга, посторонние свидетели, и я в том числе, вполне определенно ощущали, что между главнокомандующим и серой массой казачьей, заполнявшей зал заседания, лежит целая пропасть» (81).

«Ясно было, что каждая из договаривавшихся сторон не была искренна, что соглашение заключается с предвзятой тайной мыслью нарушить его при первом же удобном случае» (82).

«Заключив соглашение, Верховный Круг тем самым взял на себя ряд обязательств в отношении помощи фронту,—обязательств, которые он не мог выполнить, ибо не имел никакого авторитета в народных низах Дона, Терека и, в особенности, Кубани, население которой, во избежание катастрофы на фронте, нужно было, как можно скорее, поднять против большевиков» (83).

Екатеринодар удивительно напоминал Раковскому картину, которая наблюдалась и в Ростове незадолго до его падения. «Пьянство, грабежи, насилия, бессудные расстрелы, огромные траты, возрастающая с каждым днем дороговизна, общее стремление пессимистически настроенного тыла к тому, чтобы жить, руководствуясь принципом — «лови момент»—все это свидетельствовало лишний раз о всеобщем развале и разложении.

«Екатеринодар был переполнен до последних пределов. Несколько парламентов: Верховный Казачий Круг, Кубанская Краевая Рада, Кубанская Законодательная Рада, Донской Круг заседали в разных частях города.

«Разговорам не было конца»... (84).

Между тем борьба в задонских и кубанских степях в январе и феврале 1920 г. протекала в необычайно тяжелых условиях.

«Зима была необычайно суровая. Мороз иногда доходил до 30°. В степях свирепствовали бураны. Армия страдала от недостатка теплой одежды. Усилия строевых начальников, настойчивые и весьма

энергичные попытки поставлявших обмундирование англичан,—все это не могло превозмочь тыловую разруху, и хотя *в английское обмундирование* был *одет* буквально *весь юг России, фронтовики* оставались *раздетыми* и жестоко страдали от мороза, с проклятием вспоминая тех, кто преступно оставил противнику огромные склады с обмундированием» (85).

В необычайно тяжелые условия была поставлена эвакуация раненых и больных в то время, как эпидемия сыпного тифа приняла характер величайшего народного бедствия. Госпитали и лазареты были переполнены сверх всякой меры.

«Раненые и больные, лишенные элементарного ухода, умирали тысячами. В виду развала в военно-санитарном ведомстве, смертность в госпиталях и лазаретах доходила до огромных размеров. В результате, больные и раненые стали прибегать к разным мерам, чтобы не попасть в число эвакуируемых, избежать госпитального и лазаретного лечения.

— Здесь на фронте,—говорили они,—можно как-нибудь и отлежаться. Если же повезут в тыл да положат в *госпиталь—то верная смерть*...

— Больше всего теперь опасно получить ранение,—жаловались находившиеся в строю. Рана—это пустяки. А вот, когда месяцами будут возить по железным дорогам, да положат вместе с тифозными, да станут морозить, да морить голодом—вот тогда... вряд ли выживешь» (86).

Во время своих переходов Раковский наблюдал кошмарные картины.

«Население заражается (тифом) почти поголовно, говорил ему начальник гарнизона станицы Мечетинской.

«Скученные, заедаемые паразитами войска тают с невероятной быстротой. Творится нечто ужасное, не поддающееся описанию» (87).

Раздоры внутри белого стана не ослабевали, а усиливались.

«События, происходившие в Екатеринодаре, уже приносили определенные результаты, и между казачьими и не казачьими частями вооруженных сил юга России наблюдались пока ничтожные, но грозные симптомы назревающего раскола. Враждебное настроение в отношении главного командования и вообще Добровольческой армии в лице ее ответственных руководителей, определенно выявлявшееся в Екатеринодаре, весьма болезненно отражалось на настроении чинов ставки и Добровольческого корпуса, в особенности последнего. Генералу Деникину приходилось считаться с возможностью разрыва с казачьими государственными образованиями» (88).

Генералы, однако, не унывали.

«— Земельная реформа и... виселица — тогда мы снова дойдем до Москвы,— уверенно заявил Раковскому командир Добровольческого корпуса Кутепов» (94).

Это значило: на словах для обмана крестьян «земельная реформа», на деле — «столыпинский галстух». «Земельная реформа» деникинцев, действительно, осталась на бумаге, если не подразумевать под ней произведенного добровольцами возвращения помещикам отобранных у них крестьянами земель; на виселицы же деникинцы, действительно, не скупились.

Увы! несмотря на лес виселиц, воздвигнутых генералами Кутеповыми на своем пути, им так и не пришлось увидать Белокаменной.

В фантазии генералов возникали самые дикие планы. Так, донское командование помышляло о том, чтобы, «в виду нездорового, полубольшевистского настроения на Кубани, предоставить кубанцам испытать прелести советского рая, а самим, не взирая на действующего в тылу Буденного, двинуться самым решительным образом на север» (95).

Но Деникин и Кутепов на это не пошли.

В начале февраля белые потерпели тяжелую неудачу, постигшую главную массу донской конницы, составлявшую группу генерала Павлова, которому дано было задание действовать против Буденного.

«Павлов, стремясь как можно скорее столкнуться с Буденным, нашел необходимым итти по необитаемому левому берегу Маныча, по безлюдным степям, без дорог, по компасу.

«Во время этого похода, благодаря сильному морозу и ветру, благодаря полному отсутствию жилья, половина корпуса в буквальном смысле слова вымерзла. Вместо десяти-двенадцати тысяч шашек, после этого рейда, по строевому рапорту в отборной конной группе осталось пять с половиною тысяч шашек. Остальные, в том числе и сам Павлов и весь командный состав, были обморожены, или же совершенно замерзли» (96).

«Ужасом веяло от рассказов участников этого похода. Четыре дня шла донская конница по безлюдным степям. В 24 градусный мороз с сильным ветром, буквально, негде было остановиться и укрыться от холода. Ночевали в необитаемых зимовниках донских коннозаводчиков, причем один зимовник из нескольких избушек приходился на целую дивизию. Лишь немногим счастливцам удавалось попасть

под крышу. Остальные ютились возле заборов и своих лошадей. Даже для костров не было топлива.

«Последнюю ночь, — рассказывали мне участники рейда, — мы стояли под Торговой. Большевики энергично обстреливали нас, но пули никого не пугали. Страшнее был мороз. Тысячи обмерзших остались позади нас в степях. Их засыпала уже метель. Уцелевшие жались возле своих лошадей. Стоишь пять-десять минут. Чувствуешь, что начинаешь дремать, что засыпаешь, падаешь... Еще несколько минут и уснешь вечным сном. Встряхнешься. Подойдешь к соседу — видишь, что и он замерзает. Что делать? Бросаешься на него, падаем вместе на снег»... (97).

Удивительно ли после этого, «что казаки, с яростью, с огромным, вполне понятным озлоблением ругали командный состав, в особенности начальника группы генерала Павлова, заморозившего несколько тысяч человек» (98).

Теперь «конница Буденного заходила в глубокий тыл Донской армии, а обессиленная морозами лучшая Донская конница не могла проявить никакой активности» (99).

Белые между тем очутились между двух огней — ибо приближение красных войск оживило брожение в их тылу среди трудящихся.

«Со дня на день ожидалось падение Ставрополя, где наступали не только переброшенные сюда из центральной России и из-под Астрахани регулярные части советской армии, но и местные большевики.

«Ликвидировать прорыв на Тихорецкую могли только кубанцы. Но на Кубани стойких частей сформировано пока еще не было, и в мобилизован-

ных частях продолжалось массовое дезертирство. Станицы все еще продолжали митинговать и рассуждать, под какими лозунгами воевать, нужно ли вообще итти на фронт.

«А большевики не ждали и наступали быстро и решительно» (100).

Не лучше складывалось положение для реакции и на других участках фронта. «На Тереке разрастается подогреваемое большевиками с таким трудом подавленное летом и осенью 1919 года восстание горцев», — читаем мы в главе под характерным заглавием «Агония тыла» (101).

Эти повстанческие вспышки окончательно подорвали у терцев и добровольцев и кубанцев веру в возможность продолжения борьбы.

Большевики в то же время одержали победу и в Уральской области.

«Отряды Добровольческой армии почти без боя сдали большевикам Одессу — последний оплот вооруженных сил на юго-западе. Большевики захватили грандиозные склады, ценное имущество на сотни миллиардов рублей. Сдача Одессы произвела гнетущее впечатление на всех, в частности на представителей Антанты, которые настойчиво требовали у Деникина сохранения этого весьма важного пункта» (102—103).

Борьба между союзнической и германской ориентациями не затихала.

Многие изверились в действительность поддержки Антанты, — они возложили свои надежды на германский империализм, несмотря на его военное поражение.

«Неопределенная по своему характеру связь Антанты с главным командованием становилась еще

более неопределенной и, как будто бы, могла окончательно оборваться, если не сегодня, то завтра. Между тем, эта связь с Антантой была главной опорой Деникина. А германофилы не дремали и вели в это время напряженную закулисную работу, которая связывалась, обыкновенно, с именем игравшего большую роль на Дону во времена атамана Краснова майора Кохенгаузена.

«На вопрос, какую реальную помощь могут оказать нам немцы, — германофилы теперь отвечали вопросом:

«А какую реальную помощь оказали нам союзники? Обмундирование, снаряды... не в этом дело» (103).

От немецких реакционеров их друзья ждали живой силы.

«Это платоническое германофильство питалось тем, что надежда на реальную помощь живой силой со стороны союзников была окончательно подорвана. А между тем, в виду того, что общее положение ухудшалось с каждым днем — необходимость помощи извне, если и не для ответственных деятелей, то для широких масс(??), казалась очевидной. Работа германофилов приносила уже определенные результаты. Представители же союзных держав как будто бы начинали умывать руки и постепенно ликвидировать свою связь с вооруженными силами юга России.

«Отношения с англичанами и французами портились с каждым днем. Все были убеждены, что военные миссии уже складывают свои чемоданы и уезжают из России» (104).

Как крысы с тонущего корабля, — бежали английские и французские офицеры с юга России.

«Когда к 15-му февраля положение на фронте резко ухудшилось, находившиеся при войсковых частях и штабах представители английской военной миссии и представитель французской военной миссии при донском штабе лейтенант Бушекс получили приказ спешно выезжать в Екатеринодар» (104—105).

Катастрофа между тем придвигалась все ближе. Железнодорожные сети были поражены параличом— паровозы выбывали из строя, — «за исправными паровозами представители власти устраивали своеобразную охоту, можно сказать, отбивали их друг у друга и затем тщательно охраняли их специальными караулами» (105).

«На станциях вырастали целые кладбища из «издохших» паровозов. Железнодорожные пути были забиты поездными составами. Ремонтные мастерские, в виду общей разрухи на железных дорогах, в виду *отрицательного отношения* к гражданской войне (т. е. к Деникинцам. *В. Б.*) со стороны *рабочих*, поставленных к тому же в весьма тяжелые материальные условия, работали только для соблюдения формы» (106).

Тогда как в Советской России в это время рабочие выбивались из сил, чтобы только помочь фронту, — находившиеся под игом Деникина пролетарии практиковали итальянскую забастовку.

Не в пользу белых складывалось настроение и в деревне. «*Кубанские станицы* чуть ли не *с хлебом-солью встречали большевиков*» (106).

Агония деникинского тыла прогрессировала семимильными шагами. Если рабочих и крестьян России увеличение опасности побуждало к гигантскому напряжению сил, то совершенно обратное

действие поражение оказывало на царских генералов,—они становились добычей растерянности и паники.

«Назначенный Деникиным командующим Кубанской армией генерал Шкуро, находившийся в большом фаворе в ставке, встретил на Кубани, в особенности в Раде, такую оппозицию, что вынужден был уступить свое место генералу Улагаю, на которого возлагались тогда большие надежды. В Усть-Лабе Улагая не было, и в штабе Кубанской армии наблюдался полный развал. Из разговоров видно было, что чины штаба очень плохо представляют себе обстановку, не имеют связи с частями и вообще производят впечатление полной растерянности» (108—109).

Белые утратили веру в победу — и продолжали сражаться только как бы по инерции.

«Упадок духа, граничивший с паникой, дезорганизация верхов, полнейшая растерянность властей, апатия и ожидание прихода большевиков в низах, общее сознание безнадежности сопротивления, вооруженной борьбы с большевиками, — вот та атмосфера, которая наблюдалась в эти дни в Екатеринодаре. Тыл агонизировал и совершенно забыл о фронте. Вся злоба дня сводилась к вопросам: как долго будет длиться эта агония, куда бежать, что делать. На эти вопросы никто не мог дать ответа. Не могло ответить на эти вопросы и уже сформировавшееся южно-русское правительство при главнокомандующем». Хорошее определение: правительство при главнокомандующем! Это значит, что правители были обречены на роль пешек при царских генералах! «В качестве премьера туда вошел председатель донского правительства Мельников, а

в качестве министров: генерал Баратов (иностранных дел), профессор Бернацкий (финансов), бывший председатель архангельского правительства Чайковский (пропаганды и агитации) и др.» (109).

Так «социалисты» Бернацкий и Чайковский пытались прикрасить своим участием в министерстве деникинскую диктатуру.

Удивительно ли, что по словам Раковского «о существовании этого правительства широкие общественные и политические круги уже почти забыли» (110).

На-ряду с «южно-русским» существовали и другие правительства.

«Кубанское правительство во главе с Иванисом игнорировало единую власть, вело самостоятельно какие-то таинственные переговоры не то с Грузией, не то с Петлюрой и шло определенно к разрыву с Деникиным».

Ютилось где-то и «донское правительство», — «оно находилось в состоянии упадка духа», что было вполне естественно, так как оно «за отсутствием своей территории лишено было влияния и возможности делать какую бы то ни было реальную работу» (110).

Все эти опереточные правительства с территорией и без территории были, однако, не чем иным, как игрушкой в руках верховного командования.

Между тем, те, кого защищала деникинская армия, стремились спастись бегством.

«Екатеринодар эвакуировался, и главную массу уезжающих через Новороссийск за границу составляли представители буржуазии, тысячи служащих

различных учреждений Особого Совещания, семейства офицеров, больные и раненые».

В добровольческих верхах в это время назревал серьезный кризис, — начинался подкоп под самого главнокомандующего.

«Положение Деникина становилось необычайно тяжелым. С ним почти перестали считаться. Слишком поздно он начал исправлять свои ошибки, слишком поздно он начал удалять с высоких постов своих, игравших чисто отрицательную роль, приближенных, за исключением наиболее одиозного для всех буквально — начальника штаба генерала Романовского. Стремясь к объединению, фактом своего соглашения с Верховным Казачьим Кругом, Деникин не улучшил, а ухудшил положение: оторвавшись от консервативных и либеральных добровольческих кругов, он попрежнему стоял вдали от руководящих кругов Дона, Терека и Кубани» (111).

Как это часто бывает среди военных клик, недовольство диктатором готово было вылиться в форму заговора.

«В политических организациях, в отдельных политических группах, кружках, между отдельными лицами в эти дни оживленно обсуждалась мысль о необходимости переворота. О заговорах говорили открыто, не стесняясь друг друга.

«Сторонники вооруженной борьбы с большевиками считали, что Деникин потерял всякий авторитет и вряд ли сможет вести за собою не только широкие массы, но даже и офицеров, среди которых уже давно шло глухое брожение против разрухи, виновником которой считали, главным образом, генералитет, выдвигаемый ставкой. Особенно острое брожение наблюдалось в наиболее обездолен-

ных в материальном и служебном отношениях офицерских низах, причем в Крыму это своеобразное обер-офицерское движение вылилось даже в форму открытого выступления капитана Орлова. Отголоски этого движения уже наблюдались в Новороссийске и Екатеринодаре, где по разным причинам и под разными предлогами скопилось много тысяч больных, раненых, а также не желавших итти на фронт офицеров, отрицательно относившихся к Деникину. Офицерство это уже потеряло веру в возможность вооруженной борьбы с большевиками. Среди офицеров наблюдалось определенно эвакуационное настроение, и самым популярным лозунгом здесь был лозунг: «распыляйтесь». Все запасались штатскими костюмами, подложными удостоверениями, сумками, чемоданами и т. п. Многие не скрывали своего озлобления в отношении командного состава.

«—Они все равно уедут своевременно,—говорили офицеры. — У них пароходы приготовлены, а нас бросят на произвол судьбы. Нужно поэтому спасаться самим.

«Это настроение так определенно бросалось в глаза, что 21 февраля Деникин обратился к офицерам с особым воззванием, в котором, указывая на смуту и волнения, происходящие среди офицерства, и открытое недовольство назначенными им начальниками, обращает внимание офицеров на то, что, с своей стороны, он принимает все меры, чтобы назначенные им начальники стояли на высоте положения. Воззвание заканчивается призывом к офицерству, дабы оно в этот грозный момент сплотилось вокруг него, Деникина, как старшего офицера» (112).

Очагом оппозиции Деникину был Крым, куда удалился находившийся за последнее время не у дел Врангель, у которого крайне обострились отношения с Деникиным и Романовским.

В низах деникинцам пришлось иметь дело не только с большевиками, но и с разраставшимся движением махновского типа.

«Независимо от тех соглашательских и не соглашательских течений, которые наблюдались в эти дни в екатеринодарских верхах — в низах разрасталось своеобразное зеленоармейское движение, возглавляемое членом Рады Пилюком, выдвинувшим лозунг «Долой гражданскую войну, долой большевиков справа и слева, долой коммунистов и монархистов» (123).

Недовольство обывательской массы питалось беспрерывно растущей дороговизной, причем особенно вздорожали продукты питания.

«Выпущенные главным командованием денежные знаки тысячерублевого достоинства («колокола», «одеяла»), как их презрительно именовали в низах, ничего общего по внешнему виду не имевшие с привычными для глаза прежними денежными знаками, не принимались населением. А между тем, в виду истощения запасов ходких «донских» денежных знаков, все расплаты производились «колоколами». Обыватель был поставлен в трагически безвыходное положение. Еженедельно почти росли прибавки, параллельно росла дороговизна. Курс рубля падал с катастрофической быстротой, и казалось, юг России на всех парах приближается к тому моменту, когда денежные знаки должны будут превратиться в простые бумажки» (124 — 125).

Правители юга России думали, между тем, только о своем спасении.

«Южно-русское, донское, кубанское правительства, Верховный Казачий Круг, Рада, Донской Круг находились в состоянии полнейшей прострации. Члены этих учреждений думали теперь, главным образом, о скорейшем отъезде из Екатеринодара, а не о спасении положения, не о том, чтобы в этот невероятно тяжелый период облегчить положение армии и положение предоставленного исключительно собственным силам командования» (125).

С фронта все время поступали очень невеселые сведения.

«На Кубани наступила весна, жирный чернозем быстро растворялся и превращал все дороги в непроходимые болота, где в бессильном отчаянии застревали обозы, артиллерия, лошади и люди.

«23-го февраля с фронта на Тимашевскую возвратился инспектор донской артиллерии генерал Майдель. «Невылазная грязь, — рассказывал он мне, — нанесла нам больше потерь, чем вся советская конница. Во время последнего отхода мы оставили в грязи почти все наши обозы. Еле вывезли часть артиллерии. Достаточно сказать, что в конной группе Павлова, вместо сорока семи орудий, осталось не более семнадцати. Побросали свои обозы и беженцы».

Панические настроения охватили как верхи, так и низы белых.

«Немногие в эти тяжелые дни сохраняли спокойствие и хладнокровную решимость продолжать борьбу до конца. Настроение как высших, так и низших представителей командования падало

с каждым днем. 23 февраля я беседовал, напр., по поводу положения на фронте с генерал-квартирмейстером Донской армии Кисловым:

— Сейчас казаки и офицеры не знают, куда они отступают, каковы планы командования, — говорил Кислов. — В такое время, как мы переживаем, необходимо, чтобы все знали, во имя чего ведется борьба, какие цели преследуются» (131 — 132).

Спасайся, кто может! — таково было господствующее настроение.

«У всех одна цель: скорее уехать на юг, куда угодно, — но только подальше от надвигающейся лавины большевиков.

«Потеряна была вера в стойкость частей, которые думали только о том, как бы уйти от соприкосновения с противником, не считаясь с директивами, приказами и распоряжениями. Уже поступили сведения, что некоторые из штабов корпусов находились в тылу у штаба армии».

Процесс неудержимого распада захватил самые стойкие части белой армии.

«Разложение наблюдалось и в Добровольческом корпусе, который также, потеряв свою стойкость, с большой быстротой уходил от большевиков. Это не были уже добровольцы времен Корнилова. Теперь они находились уже в периоде идейного вырождения. Воспитанные в духе самостийности Добровольческой армии, *дезорганизованные насилиями и грабежами*, смотревшие на себя, как на завоевателей, а не освободителей России, как на соль русской земли, — они быстро теряли последние остатки идейности и начинали походить на преторианцев, думавших только о себе и только о себе. Между казаками и добровольцами теперь

уже наблюдался открытый антагонизм, и Добровольческий корпус в лице своего командования стремился как можно скорее выйти из обидного для добровольцев, как они считали, подчинения донскому командованию» (133 — 134).

Рушилась основа всякой вооруженной силы — военная дисциплина. Верхи подавали пример низам.

«Против генерала Павлова, кавалериста старой гвардейской школы, солдата до мозга костей, давно уже назревало большое недовольство, перешедшее, после его неудачного рейда в жестокие морозы, в открытое возмущение. Это возмущение вылилось в такие формы, которые определенно свидетельствовали о разложении среди ответственных представителей командования. Начальники частей конной группой, подчиненной Павлову, собрались на совещание, на котором и было вынесено постановление предложить генералу Павлову сдать, а генералу Секретеву вступить в командование конной группой. Возмущение против Павлова было настолько сильным, что на совещании раздавались даже, правда, отдельные голоса за то, чтобы расстрелять бывшего начальника конной группы» (135).

Командующему донской армией Сидорину пришлось отозвать Павлова.

Добровольцы не умели уже больше использовать своих крупных сравнительно сил.

Раковский передает свои впечатления от поездки в штаб конной группы, объединявшей донскую конницу.

«Возле хуторов уже выстраивались полки.

— Господи, сколько конницы, — изумленно воскликнули конвойцы. Сколько силы у нас, а отступаем!» (137).

Казачий генерал Стариков говорит Раковскому в беседе «не для печати». «Я считаю, что дело наше проиграно безнадежно. Сейчас положение отчаянное. Во время последнего отхода мы потеряли всю нашу артиллерию, пулеметы... Казаки не знают обстановки. Они не представляют себе, куда мы отходим, что будет дальше. Создается такое положение, что я боюсь бунта» (138).

В результате — белые не смогли удержать красных перед Екатеринодаром и помешать форсированию ими реки Кубани.

«Настроение и характер отступления армии были таковы, что агония фронта являлась несомненным фактом. Кубанских резервов не было. У донцов и добровольцев исчезли последние остатки надежды на то, что, быть может, при приближении большевиков Кубань всколыхнется. У фронтовиков, защищавших Кубань два месяца, окончательно опустились руки. Поле сражения во время последних упорных февральских боев осталось за противником. Бросая в грязи артиллерию, обозы, не имея одного дня отдыха, остатки вооруженных сил юга России теряли боеспособность и находились в состоянии материальной и моральной дезорганизации. Имея начальников, в массе потерявших веру в успех борьбы, лишенная артиллерии, пулеметов, в значительной части винтовок, «потерявшая сердце» армия и тысячи беженцев неудержимо катились за Кубань» (143).

Хаос в тылу белых увеличивался.

«Вообще все время можно было наблюдать грандиозное расхищение миллиардных складов со всяким имуществом и, в частности, с обмундированием» (145).

Вот речь командующего донской армией Сидорина, которую он держал 1 марта в станице Кореновской перед урядниками и офицерами, указывая на необходимость отступления за Кубань.

«Сейчас в Донской армии вместе с входящим в ее состав Добровольческим корпусом — сорок семь тысяч штыков и шашек. У противника тысяч шестьдесят с небольшим.

— В чем же дело — задает вопрос Сидорин и отвечает на него:

— *Потеряли дух.* Сами вы видели, что масса конницы в десять-двенадцать тысяч отходила в последнее время перед одной-двумя бригадами большевиков. Только этим объясняется наше отступление. Я убежден, что мы, несомненно, разобьем большевиков (?). Почему? Потому, что нет сомнений, что мы — казаки, выше их, лучше их, храбрее их. Так в чем же дело? *Духа нет.* Нужно его набраться» (147).

Другие указали на падение дисциплины.

«Я хочу,—вмешался в беседу командующий конной группой молодой донской генерал Секретов,—указать, почему мы отступаем. Это объясняется очень просто. Командному составу невероятно трудно вами командовать. Выезжаешь на позицию: видишь отдельных людей, лавы, какие-то кучки казаков, потом опять лавы... Где наши, где большевики—не разберешь» (148).

«...Ваше превосходительство,—обратился к Сидорину один из офицеров,—нужно принять решительные, беспощадные меры, а то все хорошее, отборное гибнет в боях, плохое уходит в тыл и спасается за спинами лучших.

«—Они строят в тыл лавы на десятки верст,— поддержал офицера урядник.

«—Да, лучшие гибнут, худшие сохраняют жизнь,—согласился Секретов.

«—Почему лучшие должны гибнуть?—возмущался урядник. Ведь вот, напр., как было в последний раз: нас в бою оказалось всего пятнадцать человек; мы хотели броситься вперед и, конечно, разбили бы большевиков, но потом подумали: за что же мы погибнем, а они, ушедшие в тыл, уцелеют, и не знали, на кого броситься—на большевиков или назад, на отходящих в тыл» (149—150).

Но эти попытки поднять боевой дух у фронтовиков и вдохнуть в воинские части волю к победе ни к чему не привели.

«Ставка с Деникиным во главе давно уже сложили руки и, в общем, пассивно относились к ходу событий, как бы заранее примирившись с фатальным концом почти трехлетней эпопеи — борьбы с большевиками на юге России» (150—151).

«Добровольческий корпус также потерял боевой дух. Добровольцы в массе дрались уже только потому, что у них был отборный в боевом отношении, в значительной части лучший офицерский материал. Но дрались они без энтузиазма» (150—151).

Большевики, между тем, преследовали неприятеля по пятам.

Раковский не отрицает превосходства их тактики.

«Вот нахалы, так нахалы,—возмущались казаки и офицеры. Как мы их гнали в прошлом году,—так они нас теперь гонят, не давая ни отдыха, ни срока» (155).

Раковский рисует картину арриергардного боя у станицы Пластуновской.

«Упадок настроения уже отражался на ходе операции. Распоряжения отдавались вяло. Части

исполняли их неохотно, связи между частями не было, повидимому, никакой» (156).

«Духу нет в народе, ничего не поделаешь,— говорили казаки» (160).

Оставление Екатеринодара сделалось неизбежным.

«К началу марта армия Донская, Добровольческий корпус, Кубанская армия оказались настолько дезорганизованными, что отход за Кубань и, следовательно, сдача Екатеринодара были предрешенным фактом. Не удержавшись на линии реки Дона, войска продолжали отступать по инерции, оказывая очень слабое сопротивление противнику. *Искусно маневрируя, применяя* все время *обход и охват*, воодушевленные успехом большевики шли по Кубани *триумфальным маршем, не давая* своему противнику дня для *передышки*» (164).

Раковский не может объяснить победу Советской России численным превосходством Красной армии.

«Катастрофическое отступление казаков и добровольцев являлось результатом не превосходства сил, а упадка духа. Если бы этого упадка духа не было, то, как вполне основательно предполагали некоторые из представителей командования, положение нельзя было считать безнадежным» (165).

За Кубанью, между тем, белых ожидали новые трудности.

«Отход за Кубань представлял серьезную опасность. Район, расположенный по левому берегу ее, до устья станицы Усть-Лабинской, был слабо населен, до крайности беден хлебом, большевистски настроен. Местность в этом районе была низменная, болотистая, с трудно проходимыми дорогами, с полным отсутствием связи между отдельными пунктами» (165).

Не более благоприятные перспективы рисовались для белых и в случае отхода их к Черноморскому побережью.

Мало было надежд на то, чтобы благополучно выбраться из Новороссийска.

«Нас или потопят в море, — говорили офицеры-фронтовики — или, если большевики сомнут войска, то кто знает, *не перевешают ли нас свои же*, чтобы искупить себя тем самым от всяких репрессий.

«Что могли отвечать на это ответственные начальники своим подчиненным?

«—У нас есть начальство, которое руководит нами. Оно будет отвечать за последствия, а не мы» (167).

По свидетельству Раковского, низы Добровольческой армии в эти тяжелые минуты обнаруживали больше присутствия духа, чем окончательно деморализованные и объятые паникой верхи.

«Характерно, что рядовая масса в эти тяжелые дни в смысле морального уровня, в смысле стойкости и веры в возможность того, что будет найден выход из создавшегося положения, стояла значительно выше интеллигенции, в частности офицерства» (167).

Все же «трудно было найти выход из этого тупика, это хорошо сознавали все».

Тем более, что по драгоценному признанию Раковского «окрыленные победой, *большевики дрались великолепно*. Если бы даже их противники и имели успехи, то ряды донцов, добровольцев и кубанцев еще более бы поредели. Пополнений же не было, тогда как большевики имели в своем распоряжении неиссякаемые резервы. Все решалось кубанцами. Но, как я уже говорил, когда

донцы и добровольцы проходили через *кубанские* станицы — они видели, что *население* этих станиц, *не желая воевать*, в *массе* оставалось *дома*» (168).

Склока внутри правящей клики белого юга принимала все большие размеры и парализовала все попытки предотвратить надвигающуюся катастрофу.

«С момента заключения соглашения Верховного Казачьего Круга с Деникиным чрезвычайно сложная политическая обстановка усложнилась до последних пределов. Самый факт соглашения был аннулирован в своем зародыше тем, что обе договаривавшиеся стороны заключали соглашение с предвзятой мыслью нарушить его при первом же удобном случае. В связи с яростной агитацией против Деникина и ставки вообще, авторитет и престиж которых падал с каждым днем, развивалась агитация против южно-русского правительства, лишая его последней опоры. Не говоря уже о Кубанской Раде, но и Верховный Казачий Круг, по инициативе которого возникло южно-русское правительство, стал этому же правительству в оппозицию. Характерно, что когда новое правительство выступило на Верховном Казачьем Кругу с декларацией, в которой в общих фразах указывало на свой демократизм, гарантируя всякие свободы и подчеркивая свое намерение продолжать борьбу с большевиками,—то Круг признал это выступление, в сущности, излишним. Такое отношение мотивировалось тем, что, по соглашению с главным командованием, Верховный Казачий Круг, мол, лишен законодательных функций и, следовательно, единое правительство не может быть перед ним ответственным. В результате, декларация была признана не декла-

рацией, а «сообщением», чем Верховный Казачий Круг определенно отмежевался от объединяющей власти в лице южно-русского правительства, участь которого, равно как и участь генерала Деникина, были предрешены общим ходом событий.

«Главнокомандующий в это время делал последние попытки установить хотя бы слабую связь с общественными и политическими кругами и с этой целью окончательно распрощался с целым рядом своих прежних сотрудников и помощников. Но это были лишь паллиативы» (169—170).

Как известно, и Колчак перед своим концом обещал Сибири «Земский Собор»... Игра Деникина в «демократизм» никого не обманула, — и «с ним, как с лицом, стоявшим во главе управления военного и гражданского, в Екатеринодаре почти совершенно перестали считаться». (170).

Широкими штрихами рисует Раковский картину отхода белых из Екатеринодара по мосту через Кубань.

«По мосту проезжает дивизия во главе с генералом Егоровым, который хладнокровно обсуждает с казаками вопрос, кого больше нужно драть за все происшедшее.

«— Всех нужно драть,—резонирует он.—Нужно драть высший командный состав, нужно драть нас, нужно драть вас, казаков... За что драть? За то, что не умеем воевать.

«А рядом, на глазах санитарного инспектора Донской армии генерала Каклюгина упавшую с повозки сестру милосердия давят лошадьми и... сталкивают в Кубань» (179).

Паника отступавших белых дошла до своего кульминационного пункта.

«Здесь уже действовал только один инстинкт самосохранения, и были случаи, когда на мосту раздавалась, правда, не приведенная в исполнение команда:

— Шашки вон, за мной, руби эту сволочь...

«Были случаи, когда панически настроенные люди бросались с моста в Кубань, где, конечно, гибли. Были случаи, когда, бросив обозы и гурты скота, калмыки и калмычки, считая, что все погибло и большевики их сейчас захватят, резали своих детей и бросали в воду» (180).

Белые оставили новый естественный рубеж,— они очутились за Кубанью.

«Итак, вооруженные силы юга России очутились за Кубанью, где, по планам командования, предполагалось отдохнуть, привести в порядок дезорганизованные воинские части, пополниться путем мобилизации, выждать окончательного перелома настроения на Кубани, а затем, форсировав реку, итти снова на север. Но вера в свои силы была окончательно подорвана общим характером отступления, происходившего в последние дни, и той обстановкой, которая создалась во время оставления Екатеринодара» (183).

В Новороссийске тем временем эвакуация шла усиленным темпом.

«Эвакуировались англичанами на Принцевы острова, в Сербию, Болгарию семьи военно-служащих, раненые, больные. Удирали в чужие страны спекулянты, мародеры тыла, всевозможные «осважники», тысячи лиц, облепивших Добровольческую армию, присосавшихся к идейной по первоначальному характеру борьбе, „наживших миллионы и теперь стремившихся поскорее очутиться в безопасных местах.

«Гнусное зрелище представлял в это время из себя панический Новороссийск, где за спиной агонизировавшего фронта скопились десятки тысяч людей, из которых большая часть были вполне здоровы и способны с оружием в руках отстаивать право на свое существование. Тяжело было наблюдать этих безвольных, дряблых представителей нашей либеральной и консервативной совершенно обанкротившейся интеллигенции. Неприятный осадок на душе оставляли все эти растерявшиеся перед крушением их чаяний и надежд помещики, представители потерпевшей полное поражение нежизнеспособной буржуазии, десятки и сотни генералов, тысячи стремившихся поскорее уехать здоровых офицеров, озлобленных, разочарованных, проклинавших всех и вся» (184).

Антанта все еще поддерживала добровольцев деньгами, отказываясь однако посылать в бой свои войска.

«Союзники попрежнему продолжали оказывать материальную помощь и гарантировали ее при всяких условиях. От помощи живой силой они попрежнему уклонялись и ничего не давали, кроме дессанта из двух батальонов англичан для охраны своей новороссийской базы. Гарантирована была и поддержка английского флота. Надо отдать справедливость представителям Антанты,—они широко организовали вывоз больных и раненых, а также семей, обеспечивая их на первых порах прожиточным минимумом» (185).

Красная армия не оставляла в покое бегущего врага; она следовала за ним по пятам, не давая ему ни отдыха, ни срока.

«Большевики не дремали и начинали уже форсировать такую большую реку, как Кубань, не давая своему противнику, буквально, ни одного дня для настоящей передышки. Они переправлялись ниже Усть-Лабы. Одновременно с этим шла переправа на главном направлении — против Екатеринодара.

«Шестого марта переправа началась с раннего утра. Первая попытка увенчалась успехом. Большевики, правда в весьма незначительном количестве, переправились на другую сторону Кубани. Произошло это благодаря поразительно небрежному отношению к охране переправы совершенно небоеспособных частей, на которые была возложена эта первостепенной важности задача. Как выяснилось, охрана переправы, от которой зависело чуть ли не существование армии, в наиболее ответственном пункте — против Екатеринодара — была возложена на ничтожные по численности, небрежно относившиеся к своим обязанностям редкие сторожевые заставы. Некоторые из этих застав даже не имели пулеметов и были расположены одна от другой на пять-десять верст» (191).

Развал добровольцев облегчал задачу советских войск, которые—не устает подчеркивать Раковский— побеждали врага отнюдь не в силу численного превосходства.

«Такая неутомимость, энергия и высокая активность большевиков были для всех совершенно неожиданными. Строя и обсуждая планы дальнейшего отхода, никто не предполагал, однако, что противник переправится через Кубань чуть ли не на следующий день после взятия Екатеринодара.

«На командный состав все это произвело потрясающее впечатление. Раз две роты переправились

через многоводную реку, охраняемую силами почти двух корпусов, то тем самым подрывалась окончательная борьба с большевиками на юго-востоке и Кавказе» (192).

Один за другим проходят перед нами кошмарные эпизоды панического отступления белых.

Верхи Добровольческой армии проявляли гораздо более растерянности, чем низы.

«Офицерский состав, пишет Раковский, стоял далеко не на высоте своего положения и был, в сущности, гораздо более дезорганизован, чем рядовая масса. Низы в эти тяжелые времена оказались более стойкими, более выдержанными, и та дезорганизация, которую можно было наблюдать в массах, носила, в сущности говоря, лишь чисто внешний, поверхностный характер» (211).

Северо-кавказские повстанцы окончательно разложили белую армию.

«Проходя через зону зеленых, армия оказалась окруженной со всех сторон. Где были большевики, где зеленые—трудно было разобрать. Зеленые расслоили Донскую армию, окончательно дезорганизовали ее тыл. Воинские части, потерявшие надежду уйти от большевиков, то переходили к зеленым, то оказывали им пассивное сопротивление, то снова уходили и двигались на Новороссийск. Одно время казалось, что главная масса Донской армии превращается в зеленых» (218—219).

Наконец, отступающие части дошли до Черноморского побережья, — и Раковский приступает к повествованию об одном из наиболее потрясающих моментов отступления — «Новороссийской трагедии», как названа глава XII его книги.

Безвыходным казалось положение остатков вооруженцых сил юга России, сосредоточивавшихся в Новороссийске. Все утешали себя мыслью, что в конце-концов как-нибудь удастся нагрузиться на пароходы, но возникали опасения, что их не хватит, чтобы вместить всех желающих.

«Отсутствовала и надежда на помощь англичан, которые, казалось, ко всем относятся, в общем, корректно, но с леденящим равнодушием. Повидимому, они считали, что миссия их на юге России заканчивается и что им ничего другого не остается, как уезжать к себе на родину. Представителям Антанты чуждо и непонятно было все происходившее. Отдельные английские офицеры в разговорах с русскими офицерами прямо высказывали свое недоумение по поводу того, что они видели».

«—Почему вы бежите? Почему такие огромные силы не могут удержать самой природой укрепленного, в сущности, неприступного Новороссийска?

«Что им можно было на это ответить? Как англичане могли понять психологические переживания отступавших, когда сами отступавшие не могли уяснить себе смысла того, что происходило и, в частности, своего душевного состояния. Все чувствовали, что они не могут уже бороться, что опустились руки, что надвигается фатальный, как казалось, неизбежный конец двухлетней борьбы. Бесконечная усталость от мировой и гражданской войны переплеталась с чувством горькой обиды и разочарования в том, что понесенные в борьбе жертвы были напрасны, что окончательная победа над большевиками, в чем раньше все были уверены, превратилась в катастрофическое поражение» (231 — 232).

Представители верховного командования, Деникин и его начальник штаба Романовский, «находились в полной прострации. Никто не заглядывал на берег, не отдавал никаких распоряжений. Они жили в своем поезде, на цементном заводе под охраной английских часовых» (234).

В результате — успели эвакуироваться в Крым только добровольцы и казаки; между тем как части Кубанской и Донской армии не смогли сесть на пароходы и отступили вдоль побережья Черного моря, — они потянулись бесконечной вереницей по дороге в Сочи и Туапсе.

Раздоры не ослабевали.

«В лице атамана, Рады, правительства, кубанцы, после постановления Верховного Казачьего Круга, окончательно отмежевались от главного командования. В оценке положения они резко разошлись с донским командованием» (258).

Донской генерал Стариков рассказывает Раковскому о своем «разочаровании».

«Прибыв со своими частями в Туапсе, говорит он, я затем стал грузить на пришедшие пароходы больных и раненых донцов, а также тех, которые были без лошадей и оружия. Таким образом, было перевезено в Крым до пяти тысяч человек. Вдруг получается телеграмма Деникина, в которой он категорически запрещает грузить для перевозки в Крым кого-либо из чинов четвертого корпуса» (263—264).

В Туапсе настроение было крайне подавленное.

«Уже при выгрузке казаков, находившихся под свежим впечатлением пережитого, истерзанных качкой, теснотой, отсутствием воды, — стало известно, что жившие в Феодосии представители Добровольческой армии, офицеры гвардейских добровольче-

ских частей, весьма враждебно относятся к донцам, считая их чуть ли не виновниками новороссийской трагедии. Глубокое чувство возмущения, в свою очередь, охватывало донцов» (265).

Между тем Деникин со своей ставкой и «южнорусское правительство» перебрались в Крым.

В то время там хозяйничали генерал Шиллинг и командир Крымского корпуса Добровольческой армии генерал Слащев.

«Слащев, в сущности, был самоличным диктатором Крыма и самовластно распоряжался как на фронте, так и в тылу, мало считаясь с какими бы то ни было нормами и главноначальствующим генералом Шиллингом. Местная общественность была загнана им в подполье, съежились рабочие, лишь «осважные» круги слагали популярному в войсках генералу восторженные дифирамбы. Весьма энергично боролся Слащев с большевиками не только на фронте, но и в тылу. Военно-полевой суд и расстрел — вот наказание, которое чаще всего применялось к большевикам и им сочувствующим. Недаром же портовые рабочие в своих частушках пели о том, как «от расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым».

«Незадолго до приезда в Крым членов южнорусского правительства, в Севастополе был раскрыт заговор местных большевиков. Дело разбиралось в военно-полевом суде, причем пять из обвиняемых были оправданы, а пять были приговорены к различным наказаниям. Приговор этот, как слишком мягкий, до глубины души возмутил генерала Слащева, который из своей резиденции — станции Джанкой — приехал в Севастополь, забрал десять человек судившихся, несколько не судившихся,

увез их с собой обратно в Джанкой, где вторично, не считаясь с элементарными юридическими нормами, предал их вновь военно-полевому суду».

Тут как раз в Крыму появилось южно-русское правительство.

«Как только члены южно-русского правительства 12 марта прибыли в Севастополь, их стали осаждать делегации от рабочих, и правительству сразу же пришлось окунуться в это дело.

«—Мы настроены против большевиков,—говорили представители рабочих, — и если арестованные действительно большевики, пусть их расстреляют, но пусть сделают это с соблюдением всех законных гарантий. В противном случае, рабочие отшатнутся к большевикам скорее, чем под влиянием какой бы то ни было агитации» (270).

По этому обращению «рабочей делегации», — если только оно верно передано Раковским,—можно судить, что за самозванные «представители рабочих» позволяли себе говорить от имени пролетариата в период белой диктатуры.

Однако, и вмешательство южно-русского правительства ни к чему не привело,—рабочие были расстреляны.

«Представители рабочих», — о которых говорит Раковский, — очевидно меньшевики — были поражены таким исходом дела.

«—Мы всегда были противниками большевиков, — говорили они, — теперь нас прямо толкают к большевикам.

«В ответ на расстрел рабочие Крыма ответили трехдневной забастовкой» (271).

Опереточное южно-русское правительство доживало между тем свои последние дни. Военная власть в Крыму открыто его третировала.

Слащев опубликовал свою беседу с председателем правительства Мельниковым в газетах и приказал ее сообщить в приказе по войскам. «На следующий день после этого главноначальствующий генерал Шиллинг сообщил через газеты, что он признает действия Слащева совершенно правильными».

«Факт открытого выступления высших представителей местной военной власти против южно-русского правительства совершенно подорвал его престиж, как в войсках, так и среди населения» (272).

Наконец Деникин вместе с Бернацким составил приказ о расформировании правительства.

«Приказ этот гласил, что, в виду сокращения территории, совет министров упраздняется и вместо него организуется «деловое учреждение» под председательством Бернацкого, который и должен был подобрать себе помощников» (274).

Объясняя Чайковскому, что за «деловое учреждение» они имели в виду, Бернацкий сказал: «в сущности обстановка такова, что сейчас правительство должно быть канцелярией при главнокомандующем.

«— Раз так, — ответил Чайковский, — то быть послом от канцелярии я не могу».

На упреки Мельникова, Деникин ответил:

«Если бы вы знали, какая кругом подлость царит... Если бы вы знали вообще всю ту мерзость, которая творится кругом...—вы были бы иного мнения о моем шаге. Я должен был так поступить... и в ваших интересах...» (276).

Наконец и сам Деникин решил отказаться от звания главнокомандующего и предложил своим генералам избрать ему преемника.

Новому начальнику штаба, Махрову, Деникин объяснял свое решение в следующих словах:

«Я физически и морально разбит. Армия потеряла веру в своего вождя. Я потерял веру в армию. Оставаться главнокомандующим после этого я не могу» (279).

21 марта состоялось назначенное Деникиным совещание.

«Горячо запротестовал против его предложения генерал Сидорин, который заявил, что донцы принципиально высказываются против проведения в жизнь пагубного во всех отношениях выборного начала в армии» (280).

Но тут появляется на авансцене пресловутый Врангель.

9 декабря 1919 г. на станции Ясиноватой (к северо-западу от Ростова) встретились поезда двух командующих армиями: Добровольческой—ген. Врангеля и Донской ген. Сидорина. Первыми словами Врангеля, вошедшего в поезд к Сидорину, вместе с начальником своего штаба ген. Шатиловым, были:

«—Ну, Владимир Ильич, нужно честно и открыто сознаться в том, что наше дело проиграно. Нужно подумать о нашем будущем» (38).

И ген. Врангель предложил отправиться в Англию, где у него большие связи, и там настоять перед союзниками, чтобы они без промедления послали достаточное количество транспортных средств для вывоза заграницу офицеров и их семей (40).

Вскоре после этого ген. Врангель действительно уехал, но не по собственному почину, а по требованию Деникина, предложившего ему «оставить пределы России» в виду того, что вокруг него «объединяются все, кто недоволен ставкою». Вер-

нулся Врангель в Россию лишь в конце марта, для участия в военном совещании, созванном «для избрания преемника главнокомандующего вооруженными силами юга России» в виду того, что сам Деникин потерял к тому времени веру в себя и в свою армию. На это совещание Врангель приехал в Севастополь с сенсационным ультиматумом великобританского правительства, предлагавшего Деникину прекратить гражданскую войну с угрозой, в противном случае, лишиться всякой помощи Англии.

«В момент получения ультиматума, — рассказывал впоследствии Врангель военному корреспонденту, — я жил как частный человек в Константинополе. В день моего отъезда я получил от начальника английской военной миссии ген. Хольмена телеграмму с просьбой ген. Деникина прибыть на военное совещание. Учитывая всю обстановку, я видел, что передо мною стала задача: взять ли в свои руки дело, которое казалось безнадежно проигранным, и, борясь все время против большевиков, принять на себя позор соглашательства, потому что положение казалось безвыходным. Мои друзья отговаривали меня, указывая на то, что Деникин привел армию к поражению, и что я должен испить чашу, налитую чужими руками. Но я заявил им, что с армией я делил славу побед, а потому не могу отказаться испить с нею горькую чашу тяжких испытаний, и выехал в Севастополь» (282).

На совещании выяснилось, что для ликвидации остатков вооруженных сил юга России наиболее подходящим лицом оказывается Врангель, и приказом Деникина генерал-лейтенант барон Врангель

был назначен его преемником по должности главнокомандующего.

Такова краткая история прихода к власти ген. Врангеля.

Между тем у грузинской границы готовилась капитуляция отступившей туда кубанской армии.

Англичане вели там двусмысленную игру.

«Девятого апреля в Сочи прибыл на «Аяксе» адмирал Де-Робек, по инициативе которого было устроено совещание с участием Шкуро, начальника его штаба Дреллинга и приглашенного Шкуро из селения Хоста командира донского корпуса Калинина.

«—Шкуро сообщил адмиралу,—рассказывал мне Дреллинг,—в каком тяжелом положении находится армия, имеющая лишь двухдневный запас продовольствия. Не известно, когда придут пароходы» (296).

Английский адмирал Де-Робек не отрицал факта выступления Керзона с предложением о необходимости прекращения вооруженной борьбы.

«Если обе стороны согласны на это, он, лорд Керзон, предлагает свои услуги в качестве посредника.

«—Насколько мне известно,—добавил Де-Робек,—ни от советского правительства, ни от генерала Врангеля ответа на это предложение не последовало. Поэтому я считаю, что борьбу необходимо продолжать, так как обстановка не изменилась» (297).

При погрузке кубанцев на английские корабли у грузинской границы разыгрались не менее кошмарные сцены, чем прежде до того в Новороссийске.

Раковский рисует следующую картину.

«Уже наступал вечер. Лихорадочная погрузка продолжалась. В это время, по словам Калинина, к берегу подъехал генерал Морозов, который стал истерически кричать:

«— Я — командующий войсками. Я приказываю прекратить погрузку. Что вы делаете: вы губите общее дело! Что вы там не видели в Крыму? Крым — это та же ловушка. Нужно переходить к большевикам...

«Беспокойство Морозова становится вполне понятным, если вспомнить ультимативное требование большевиков, чтобы ни один человек не уехал в Крым. В противном случае они угрожали признать недействительными все условия капитуляции. (К этому времени кубанцы капитулировали В. Б.) Попытка Морозова не имела, однако, никакого успеха. На него бросился командир 45 донского полка, полковник Шмелев, ударил два раза плетью и крикнул казакам, чтобы они арестовали генерала. Отстреливаясь из револьвера, Морозов скрылся в кустах» (323).

«В заключение» Раковский приступает к подведению итогов,—и он дает белому движению, которое он так долго наблюдал вблизи, ту же оценку, что делали—много раньше—большевики.

«Когда мы внимательно присмотримся к обстановке, в которой происходила гражданская война, то мы не можем прежде всего пройти мимо того факта, что антибольшевистское движение в рассматриваемый нами период в основе своей носило определенно *реакционный* и, в значительной мере, *реставрационный* характер. В самом деле, кто стоял во главе вооруженных сил, которые вели борьбу с армиями Советской России?

Первыми организаторами, вдохновителями и дальнейшими руководителями этих сил были, несомненно, *офицеры*, главным образом, кадровые, возглавляемые наиболее стойкими, энергичными и жизнеспособными *генералами*, игравшими руководящую роль и при *царском* правительстве.

«Получавшее определенно *монархическое* воспитание, это офицерство, видя, как разрушают горячо любимую Россию эксцессы царского правительства, в массе с радостью приветствовало февральскую революцию, думая, что она принесет нам и победу на внешнем фронте, и приведет к созданию новых политических и социальных форм жизни внутри страны» (330).

Офицеры,—пишет Раковский,—«были в массе представители старой России, чуждые новым веяниям, разочаровавшиеся, отрицавшие революцию» (331).

Гражданское управление белых было подстать их военной силе.

«Представители старой России цепко облепили со всех сторон все то, что представляло собой реальную силу, боровшуюся с большевиками. Они не видели, не хотели видеть, что в России произошла великая революция, что поворотом колеса истории они отброшены в сторону, как общественные и государственные деятели... На благоденствие родной страны они смотрят сквозь призму своего прошлого благополучия». «Они стремятся к восстановлению своего status quo» (332—333).

Идейными вдохновителями начатой добровольцами борьбы Раковский признает русскую либеральную интеллигенцию,—ядро ее составляли кадеты,—

справа к ней примыкали октябристы и крайние правые, слева — социалисты-оборонцы.

«Эта интеллигенция не могла простить большевикам их революционных методов действия.

«Между тем она была воспитана в глубочайшем убеждении, что является солью русской земли, а потому все отрицательные стороны революции вообще и большевизма в частности связывала с тем, что она, эта интеллигенция, не участвует в государственном строительстве. Оторванная от народа, связанная всеми навыками с прошлым, лишенная деловитости и организационных навыков—интеллигенция частью с большой горячностью ринулась в борьбу с большевиками, частью с пассивным сочувствием стала наблюдать за этой борьбой, безвольно подчиняясь победителям. В качестве интеллигентных сил—идеологов движения, активных борцов, помощников в области военного и гражданского строительства—к Деникину и Колчаку присоединились те нежизнеспособные, нестойкие, незакаленные в борьбе представители интеллигенции, в частности, бюрократия, которые и при старом правительстве играли руководящую роль.

«Русского народа они не знали, реальной, плодотворной политики вести не могли, шли старыми проторенными дорожками, шли к верному поражению.

«Это поражение одинаково потерпели и консервативный «Совет Государственного Объединения», и кадетский «Национальный Центр», и право-социалистический «Союз Возрождения». *Разницы между Кривошеиным, Савичем, Долгоруковым, Соколовым, Мякотиным и Пешехоновым* в этом отношении *не было никакой*» (333—4).

От царских министров до социалистов-оборонцев тянулся единый антибольшевистский фронт,—но ни одному из его секторов не улыбнулся успех.

Не выдержала великого исторического испытания и русская буржуазия.

«Воспитанные в тепличной обстановке, бережно охраняемые протекционизмом царского правительства, не прошедшие суровой школы свободной мировой конкуренции, лишенные чувства корпоративной солидарности, не способные отстаивать с оружием в руках свои интересы—представители буржуазии при первом же столкновении с большевиками потерпели жесточайший разгром, после чего бросились к последнему якорю спасения—казакам и добровольцам» (334).

«Четвертой силой, стоявшей в центре движения, нужно, несомненно, признать аграриев. До революции помещичий класс, дворянство, на-ряду с буржуазией, интеллигенцией, бюрократией, военными кругами, играл руководящую роль». Понятно потому, что если не реставрация, то во всяком случае возмещение понесенных убытков и выкуп—вот материальная цель, к которой стремились аграрии.

«Руководствуясь то грубо-материальными побуждениями, то глубоким убеждением, что разруха и голод—следствие захвата земли, против которого якобы, в сущности, настроено само крестьянство,—аграрии в массе отрицали революцию, не признавали ее и стремились к реставрации» (335).

Рядом с офицером, генералом, либеральным интеллигентом, фабрикантом и помещиком стоял и православный поп.

«Духовенство, игравшее такую видную роль при царском правительстве,—частью по материальным

частью по идейным соображениям и религиозным побуждениям,—также приняло живейшее участие в борьбе с большевиками. Навыков же и умения вести эту борьбу, отстаивать свои интересы и интересы церкви так, как это делают, например, представители католицизма, оно не имело» (335).

Итак, вот кто «возглавляли и руководили борьбой с большевиками».

«В массе это были отжившие, мало чему научившиеся люди»,—так без обиняков характеризует своих героев Раковский (336).

Пережитки старины находили опору в хозяйственно-крепких элементах казачества.

«Борьба севера с югом была столь кровопролитной и упорной лишь потому, что в ней живейшее участие приняли казачьи области, базируясь на которые могла так, казалось, успешно продвигаться на север и мечтать о Москве Добровольческая армия. Участием казаков и «оказаченного» сибирского крестьянства в антибольшевистском движении в Сибири, главным образом, объясняются успехи Колчака. Ядро вооруженных сил юга России составляли казаки. Население Украины, Крыма, крестьянское население Воронежской, Харьковской, Курской, Новороссийской, Ставропольской губерний и других территорий, занятых Добровольческой армией, не поддержало ее и в критический момент отвернулось от нее» (337).

Однако, и собственники-казаки не доверяли добровольцам. «Если казаки были спаяны с Добровольческой армией одинаково отрицательным отношением к большевизму и кровью, пролитой на полях сражений, то все же они подо-

зрительно относились к Добровольческой армии как к чему-то чуждому народной, крестьянской России.

«Между казаками и добровольцами всегда наблюдался скрытый антагонизм, который после Новороссийской трагедии вошел даже в злобные казачьи частушки на тему: «У нас денежки—с колокольцами, будем рыбку кормить добровольцами» (337).

В общем и целом, добровольцы потерпели полный крах.

«Гангренозный процесс постепенно сверху распространялся по всему организму Добровольческой армии, и рядовая масса добровольцев как бы отождествлялась со своими верхами. Армия была оторвана от *народа*, который *не пошел вместе с добровольцами* против большевиков» (338).

Крестьяне не откликались на призыв деникинцев. «Мобилизации, объявляемые в не казачьих областях, несмотря на драконовские приказы, систематически проваливались».

Совсем иную картину являли большевики.

«Руководители Советской России более чутко расценивали психологию и настроения рабочей и крестьянской массы. *Фундамент*, свою опору, большевики пытались строить на *низах*, на *массах*, а не на верхах. Они улавливали настроение масс, считались со стихийной силой инерции народных стремлений, как бы поддавались им, и затем, выдвигая соответствующие лозунги, становились во главе масс. А вслед за этим, бросая диаметрально-противоположные лозунги, пытались не без успеха направлять миллионные массы по тому пути, который казался им наилучшим» (338).

Здесь Раковский, очевидно, имеет в виду гибкость тактики коммунистов, которые умели считаться с требованиями момента или выбирать то решение, которое в данную минуту наиболее отвечает интересам пролетариата.

В критическую минуту масса всегда делает свой выбор в пользу большевиков.

«Масса народная в критический момент видела перед собою или большевиков, неразрывно связанных с революцией, или замаскированных реставраторов. Вековая ненависть к прошлому в критический момент *спасала большевиков* (339).

* * *

В пространных комментариях книга Раковского не нуждается. Его слова говорят сами за себя. Несмотря на всю свою ненависть к большевикам, на ясно выраженные симпатии к белому стану, он дает правильный анализ слагающих его социальных сил и приходит к неутешительным для дела буржуазно-помещичьей реставрации выводам, подтверждая безнадежность всех попыток низвергнуть советскую власть силами помещичьей-буржуазной контр-революции. Не говоря уже о рабочем классе, и крестьянство, по словам Раковского, ясно и недвусмысленно высказывается в пользу большевиков, когда ему приходится делать выбор между советской властью и властью белых.

Контр-революция, объединившая под своим знаменем помещиков, капиталистов, попов, либеральных интеллигентов, офицеров и генералов, ведет борьбу со всем русским народом, нашедшим своего вождя в большевиках. Вот почему ее дело проиграно и

безнадежно. Вот почему ей не приходится рассчитывать на победу.

Книга Раковского имеет подзаголовок «Гражданская война на юге России». Однако, ее содержанием является не только вооруженная борьба между белыми и красными, —автор уделяет чуть ли не больше внимания внутренним трениям, раздорам и ссорам, сваре и склоке среди самого контр-революционного стана, распрям, вырастающим подчас до размеров настоящей гражданской войны.

Раковский отдает должное централизации, единству, стальной дисциплине коммунистической партии. Он прямо противопоставляет эти ее качества расхлябанности и раздорам белого стана. В самые опасные минуты вожди белых не находили общего языка, а занимались взаимным подсиживанием и склокой. Даже грозная опасность не могла их объединить и сплотить в единое целое, спаять в могучую силу, заставив забыть о своих разногласиях перед лицом общего врага.

Одним из выводов, с неотразимой убедительностью вытекающих из всего изложения Раковского, является отсутствие единства в самом контр-революционном лагере, непрерывные раздоры, ослабляющие его силы, беспрестанная борьба отдельных лиц и групп, фракций и котерий, объединенных в одну армию лишь ненавистью к рабоче-крестьянской России. И если белое дело потерпело полный крах, если Деникин, на походе которого Раковский знакомит нас с движущими причинами белой контр-революции, был бесповоротно разгромлен, то не только в силу того, что народные массы России стали под знамя большевиков, от которых они получили волю и землю, фабрики и заводы,

а в значительной мере и потому, что железной дисциплине большевиков, тесной сплоченности рабоче-крестьянского стана белые могли противопоставить только раздоры, не утихавшие, а наоборот, возраставшие с часу на час.

Еще в одном отношении крайне ценно изложение Раковского: тылу красных он противопоставляет картину хищнических инстинктов и корыстных вожделений, разлагавших тыл белых. Несмотря на боевые качества своих воинских частей, несмотря на руководство лучших генералов царской армии, белые потерпели поражение на фронте в значительной степени потому, что помещики и капиталисты, интересы которых защищали добровольцы, использовали момент для восстановления своих привилегий, для безудержной и хищнической вакханалии и самого бесстыдного грабежа в буквальном смысле слова. Об их узкий эгоизм, не доросший до сознания основных интересов своего класса, требовавших сосредоточения всего внимания на фронте, в значительной степени и разбились усилия царских генералов.

Раковский показывает далее и бессилие Антанты, которая помогала все время добровольцам снаряжением и деньгами, но оказалась не в состоянии поддержать их своими войсками. В виду роста протеста рабочих масс против войны с Россией, Антанта не оказала серьезной помощи добровольцам. Это показал нам в своей книге Раковский. И имущие классы, в виду этого, непрерывно колебались между союзнической и германофильской ориентацией, ожидая от германских империалистов той помощи, которую им не оказала Антанта.

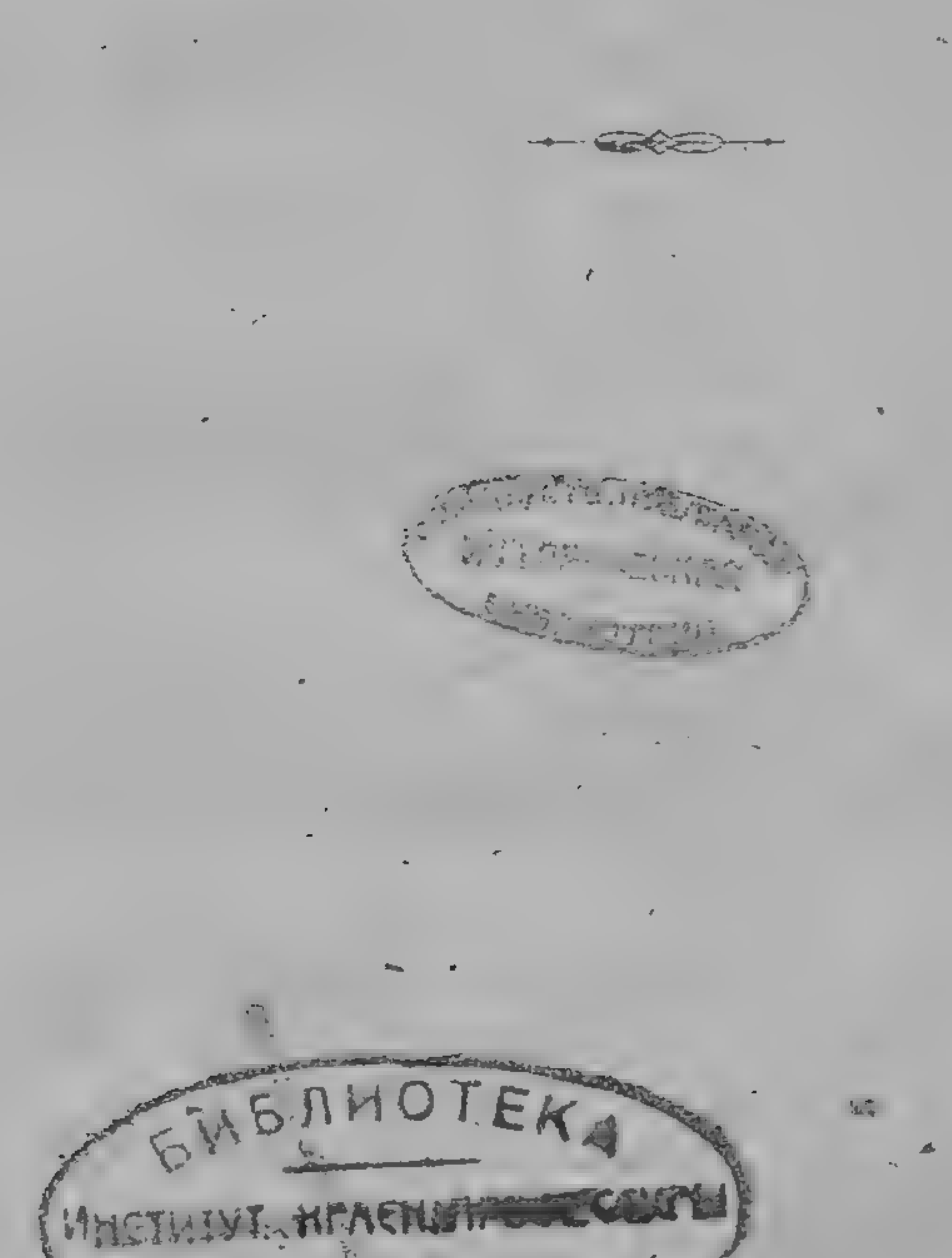
В общем и целом книга Раковского, вышедшая из-под пера белого публициста, является прево-

сходным подтверждением того анализа классовой природы контр-революции, который уже давно дали большевики, того, что во время борьбы с Деникиным изо-дня в день писали наши газеты. Независимо от своей воли Раковский, принадлежащий к совершенно чуждому стану, подтвердил правильность нашей политической линии, доказал бессилие имущих классов в борьбе с рабоче-крестьянской революцией, вскрыл глубокие исторические причины, которые повели к решительному краху белогвардейской контр-революции. Высказываемые им истины звучат еще убедительнее, потому что они вышли из-под пера нашего врага. Только тяжелый исторический опыт заставил его высказать ряд положений, привести ряд фактов, звучащих смертным приговором всему делу контр-революции.

И в настоящее время, когда белая гвардия делает новые попытки пробиться к власти, хотя и переменив личину, под новой маской борьбы за подлинную власть Советов,—за лозунг, временно оттеснивший на задний план эс-эровскую учредилку, которой раньше маскировались царские генералы,—знакомство с книгой Раковского поучительнее, чем когда-либо.

Вспомним, что и Деникин в минуту жизни трудную, когда он потерял Украину и Кубань, прикинулся демократом. На заседании верховного Казачьего Круга в Екатеринодаре он выставляет лозунг — «земля крестьянам и власть Учредительному Собранию», для того, чтобы через несколько недель одним росчерком пера упразднить даже так-называемое южно-русское правительство с социалистом Чайковским и Бернацким, бывшее, однако, простой канцелярией при главнокомандующем.

Книга Раковского показывает нам также, что и кадеты, и социалистические интеллигенты были просто пешкой в руках военного командования. Эпоха владычества белых на юге была эрой открытой военной диктатуры, хозяйничания генералов и офицеров, использовавших кадетских и социалистических интеллигентов как простое орудие.

Цена 1500 руб.

Указанная на книге цена никем не может быть повышена.

